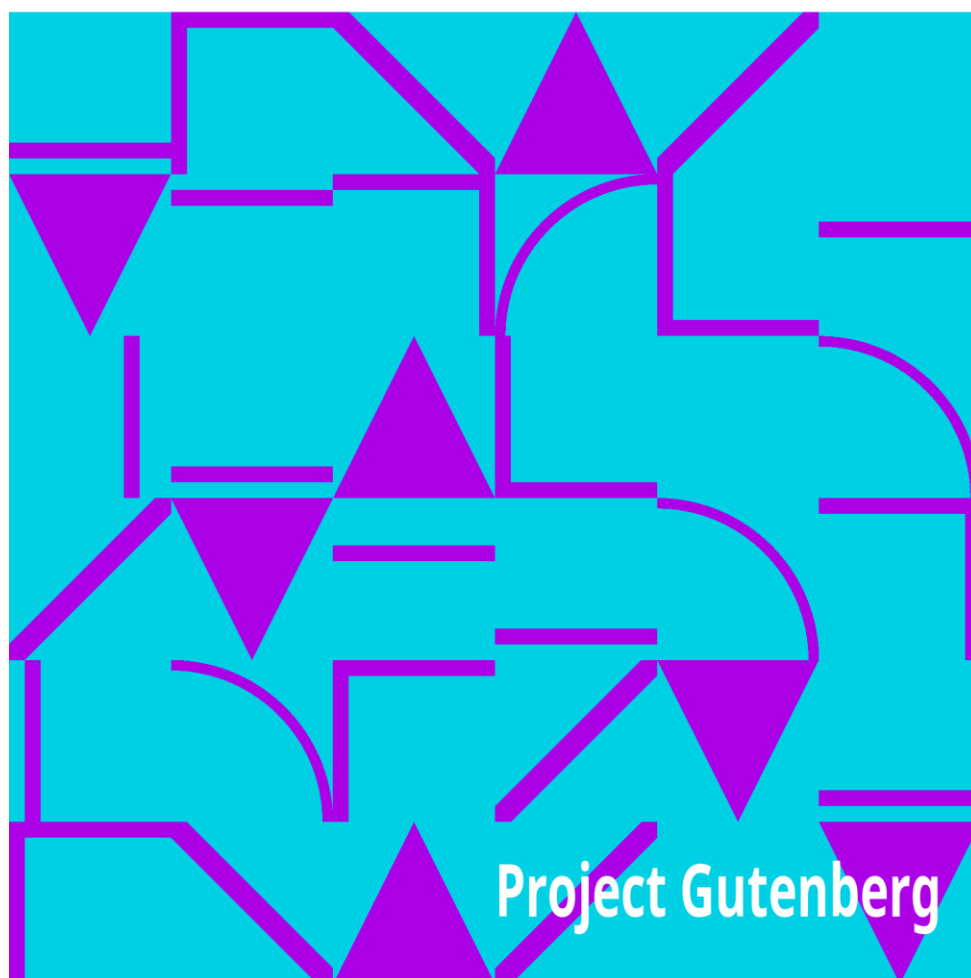

Римские погребальные надписи. Их связь с археологией, языком и религией

Джон Кенрик

Roman Sepulchral Inscriptions

John Kenrick

The Project Gutenberg eBook of Roman Sepulchral Inscriptions

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или использовать повторно на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Roman Sepulchral Inscriptions

Автор: Джон Кенрик

Дата выхода: 1 июня 2012 [eBook #39894]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Брайаном Нессом и командой Online Distributed Proofreading Team на сайте <http://www.pgdp.net> (Эта книга была создана на основе отсканированных изображений материалов, находящихся в открытом доступе из проекта Google Print).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK ROMAN SEPULCHRAL INSCRIPTIONS ***

ROMAN SEPULCRAL INSCRIPTIONS.

LONDON: PRINTED BY WOODFALL AND KINDER,
ANGEL COURT, SKINNER STREET.

РИМСКИЕ НАДПИСИ НА МОГИЛАХ:

ИХ ОТНОШЕНИЕ К АРХЕОЛОГИИ, ЯЗЫКУ И РЕЛИГИИ.

DM SIMPLICIAE FLORENTINE
ANIME INNOCENTISSIME
QVE VIXIT MENSES DECEM
FELICIVS SIMPLEX PATER FECIT
ЛЕК VI V

ИЗ САРКОФАГА В ЙОРКСКОМ МУЗЕЕ.

ДЖОН КЕНРИК, М.А., Ф.С.А.

ЛОНДОН.
ДЖОН РАССЕЛ СМИТ, 36, СОХО-СКВЕР.
ЙОРК:
R. САНТЕР, СТОУНГЕЙТ; Х. СОТЕРАН, КОНИ-СТРИТ.
M.DCCC.LVIII.

Эта небольшая работа возникла из двух докладов, прочитанных в Йоркширском философском обществе. Они были призваны обратить внимание членов общества на памятники, хранящиеся в их собственном музее, и в то же время показать, как труды антиквара связаны с историей нравов, институтов и мнений. Эта тема, как мне кажется, ранее не рассматривалась в этой стране, а поскольку останки древности в настоящее время изучаются с более широким кругозором, чем в прежние времена, она может представлять интерес для более широкого круга, чем тот, которому были адресованы первоначальные статьи.

J. K.

СОДЕРЖАНИЕ.

	СТРАНИЦА
ЗНАЧЕНИЕ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ КАК МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ИСТОРИИ	1
ГРЕЧЕСКИЕ НАДПИСИ НА МОГИЛАХ	2
РИМСКИЕ НАДПИСИ В БРИТАНИИ, ГАЛЛИИ, ИСПАНИИ И АФРИКЕ	3
РИМСКИЕ УСЫПАЛЬНИЦЫ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ГОРОДА	5
УСТРИНУМ	7
ОБРАЩЕНИЯ К ПУТЕШЕСТВЕННИКАМ	8
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НАРУШИТЕЛЯМ	9
ПРАВО НА ПОГРЕБЕНИЕ	11
ПРОТЕСТЫ ПРОТИВ ОТЧУЖДЕНИЯ НАСЛЕДНИКАМИ	12
ПРИСТРОЙКИ К ГРОБНИЦАМ	14
ПАМЯТНЫЕ ОБРЯДЫ	15
УПОМИНАНИЕ О ПРИЧИНАХ СМЕРТИ	18
ЖАЛОБЫ НА НЕЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕДИЦИНЫ	19

СТАРЫЕ ФОРМЫ ЯЗЫКА	20
СБЛИЖЕНИЕ ЛАТИНСКОГО С ИТАЛЬЯНСКИМ	23
ЗАПИСЬ РЕМЕСЕЛ И ПРОФЕССИЙ	24
ТЕАТРАЛЬНЫЕ АРТИСТЫ	26
ОРУДИЯ ТРУДА, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ НА ГРОБНИЦАХ	28
СРЕДНЯЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ	30
ПРОСТОТА РИМСКОГО ГРАНИЛЬНОГО СТИЛЯ	32
ТЕМЫ ДЛЯ ВОСХВАЛЕНИЯ	35
РОДИТЕЛЬСКИЕ СОЖАЛЕНИЯ	36
СЫНОВНЯЯ ПРИВЯЗАННОСТЬ	38
СУПРУЖЕСКАЯ ПРИВЯЗАННОСТЬ	40
ЗАКОН О РАЗВОДЕ	45
НАДПИСИ НА ЛЮБИМЫХ ЖИВОТНЫХ	47
РЕЛИГИОЗНАЯ ВЕРА И ЧУВСТВА	48
УСПОКОЕНИЕ	50
МОРАЛЬНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ	51
ВЕРА В БЕССМЕРТИЕ	52
ЭПИКУРЕЙСКИЕ НАСТРОЕНИЯ	54
НЕСБЫТОЧНЫЕ НАДЕЖДЫ	55
СУЕВЕРИЕ И СКЕПТИЦИЗМ	56
СТАРЫЕ РЕЛИГИИ УСТАРЕЛИ	57
ПОКЛОНЕНИЕ ЧУЖИМ БОГАМ	58
КОНТРАСТ ЯЗЫЧЕСКИХ И ХРИСТИАНСКИХ ПАМЯТНИКОВ	59
РАБОТЫ ПО НАДПИСЯМ	60
ФОРГЕРИЯ	61
РИМСКИЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КЛУБЫ	65

РИМСКИЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ НАДПИСИ.

Мемориалы умерших занимают примечательное место среди материалов для истории. Само существование народов во многих случаях подтверждается только их надгробными памятниками, которые служат для прослеживания хода их миграций и дают нам скудные сведения об их обычаях и состоянии цивилизации среди них. Там, где искусство письма было неизвестно, эти знания, действительно, должны быть смутными и умозрительными; мы можем определить расу по форме черепа, ранг или род занятий по содержимому могилы; но мы ничего не узнаем об индивидуальном характере или социальных отношениях ее жильца; он лишь один из бесчисленного множества тех, кто

illacrimabiles
Urgentur ignotique longa
Nocte.

Даже среди народов, которые владели искусством письма и широко использовали его для надгробных целей, мы можем быть разочарованы в надежде получить какое-либо представление об индивидуальном характере из надписей на мертвых. Из иероглифов, которыми покрыты египетские мумии и погребальные таблички, мы редко узнаем больше, чем о состоянии и функциях покойного. Греческие надписи более общительны, но их ἐπιγράμματα ἐπιτύμβια, которых так много сохранилось в Антологии, скорее поэтические упражнения, чем выражение подлинных личных чувств; а те, что дошли до нас в латуни или мраморе, кратки и скудны.

Римские надгробные памятники республиканских времен редки, но те, что принадлежат семье Сципиона,^[1] самые ранние из тех, с которыми мы знакомы, демонстрируют характер, совершенно отличный от греческого. Они одновременно демонстрируют гений народа и дают представление о сильной индивидуальности. Следующие сатурнианские стихи начертаны на могиле Публия Сципиона, сына великого Африкана.

Quei apicem, insigne Dialis Flaminis, gesistei
Mors perfecit tua ut tibi essent omnia brevia,
Honos, fama virtusque, gloria atque ingenium.
Quibus sei in longa licuisset tibi utier vita
Facile facteis superasses gloriam majorum.
Quare lubens te in gremium, Scipio, recipit
Terra, Publi, prognatum Publio, Corneli.

В императорские времена надписи на могилах стали очень многочисленными, особенно после того, как кремация вышла из употребления, и саркофаг занял место урны, на которой редко можно увидеть обозначение человека, чей прах в ней содержится. Они дали филологу, археологу и историку множество материалов для их соответствующих отраслей исследований. Эбуракум предоставил значительное их количество, некоторые из которых погибли или были вывезены,^[2] в то время как другие хранятся в музее Йоркширского философского общества. За исключением одного, они формальны и несерьезны; однако тот факт, что Общество располагает таким количеством, может заставить его членов проявить интерес к попытке проиллюстрировать весь предмет из более обширных сокровищ других коллекций.

То, что было сказано об общей краткости и сухости наших надписей, справедливо и для надписей, найденных в Англии в целом. В коллекциях Хорсли и его преемников очень мало надписей, отличающихся либо исполнением, либо стилем. По большей части они представляют собой простую запись о возрасте и статусе покойного, причем значительная часть приходится на гробницы военных. Количество и характер надгробных памятников являются показателем численности населения и богатства района или страны, а их язык - распространенности римского владычества. Рим, конечно, дал наибольшее количество памятников. Север Италии, когда она перестала быть галльской, стал полностью римским; и его главные города, Верона, Милан, Брешия, Падуя, оказались более продуктивными для латинских надписей, чем юг, где широко использовался греческий язык. Южная часть Галлии рано стала римской провинцией; ее города полны римских древностей, среди которых особое место занимают надписи. Несколько классиков Серебряного века - Сенека, Марциал, Квинтилиан, Силий Италик - родились в южных городах Испании, а испанские

надписи, хотя и менее значительные, чем можно было бы ожидать на основании этого обстоятельства, свидетельствуют о широком распространении латинского языка в этой стране. Северная Африка была оккупирована римлянами, с временным перерывом на завоевание вандалами, в течение восьми веков. Хотя сельские жители сохранили старый пунический язык, [3] латынь, должно быть, широко использовалась в городах, поскольку африканские епископы и писатели были основателями латинского красноречия в христианской церкви. С тех пор как Алжир перешел во владение Франции, древние места римских колоний стали исследоваться, и в результате был собран богатый урожай латинских надписей. Но Британия была отдаленной и бедной, поздно занятой римлянами и рано покинутой. Даже во время ее оккупации они скорее стояли гарнизонами в городах, которые они построили и укрепили, чем смешивались с покоренным народом. Поэтому не стоит удивляться, что наши надписи в основном военные, или что когда римляне ушли, они оставили мало следов своего пребывания в языке Британии.

Практика погребения тел или праха умерших за пределами городов была практически повсеместной в древнем мире. Даже в Египте, где практика бальзамирования могла бы сделать безопасным их хранение вблизи живых, кладбища великих городов располагались на противоположном берегу Нила. Говорят, что Ликург приказал проводить погребения в пределах Спарты, чтобы приучить людей знакомиться со смертью. Афиняне, напротив, посвятили самый красивый пригород своего города, Керамик без стен, погребению своих умерших, а пространство за стенами Пирея, похоже, было занято гробницами. [4] Если римляне и хоронили в своих домах, то, должно быть, в те времена, когда их территория не выходила за пределы городских стен, поскольку запрет Двенадцати таблиц гласит: *HOMINEM MORTUUM IN URBE NE SEPELITO, NEVE URITO*. Главные дороги Рима, похоже, были усыпальницами на значительном расстоянии, особенно Аппиева, "Regina Viarum", как ее называет Стаций. [5] Атик был похоронен на пятой вехе от города на этой дороге, Галлиен - на девятой. [6] В стенах римского Йорка не было найдено ни одной урны или саркофага, но следы погребения начинаются сразу за воротами. С южной стороны, которая не была включена в укрепления Эбуракума, землю у реки занимали пригородные виллы, на место которых указывают тщательно выкопанные тротуары; а на Горе, в полумиле от реки, начиналось одно из главных городских кладбищ, протянувшееся вдоль дороги, которая вела в Калькарию. Останки захоронений были найдены и у других выходов из города. Хотя мы признаем, что, изгоняя останки мертвых из мест обитания живых, древние проявили больше мудрости, чем современные народы, мы не можем не удивляться тому, что они позволили неприятному процессу *сжигания* мертвых проходить так близко к их жилищам. Местонахождение *усыпальницы* в Йорке точно не установлено; если в Клифтоне, где было найдено множество урн, она находилась на умеренном расстоянии от ворот, то в Помпеях она располагалась всего в фулонге от ворот по главной дороге, а в Олдборо - вплотную к стене. [7] У римлян даже в небольших муниципалитетах были советы здоровья - так, по крайней мере, я понимаю смысл слов *Novemvir* и *Triumvir Valetudinarius*; [8] и может показаться необычным, что они не убрали устрину на большее расстояние. Его действие едва ли можно было нейтрализовать, даже с помощью обилия пахучих смол и масел, которые использовались на похоронах. [9] Август запретил сжигать тела в радиусе пятнадцати стадий от города. Единственная устрина, местоположение которой удалось установить в окрестностях Рима, находится возле пятой вехи на Аппиевом пути. [10] Устрина в Литлингтоне, [11] единственная в своем роде, местоположение которой удалось установить в Англии, представляла собой прямоугольное пространство, обнесенное стенами, и не находилась поблизости какого-либо крупного города. И здесь, и в Олдборо устринам был также кладбищем. Кладбище римского Лондона находилось в Спитал-филдс. (Arch. 36, 206.)

Расположение римских усыпальниц вдоль больших магистралей объясняет частые апострофы от арендатора гробницы к путешественнику: SISTE VIATOR; TU QUI VIA FLAMINIA TRANSIS RESTA AC RELEGE; VIATORES SALVETE ET VALETE; формы, которые иногда копировались, не очень уместно, в церковных дворах и на кладбищах. К путнику часто обращаются с некоторыми моральными размышлениями; VIXI UT VIVIS, MORIERIS UT SUM MORTUUS; иногда они носят скорее эпикурейский характер, как, например, у Примы Помпеи; FORTUNA SPONDET MULTA MULTIS, PRÆSTAT NEMINI, VIVE IN DIES ET HORAS, NAM PROPRIUM EST NIHIL[12]. Владелец гробницы иногда приглашает прохожего вознести за него обычную молитву - SIT TIBI TERRA LEVIS (S.T.T.L.).

Prævenere diem vitæ crudelia fata
Et raptam inferna me posuere rate.
Hoc lecto elogio juvenis miserere jacentis,
Et dic discedens, Sit tibi terra levis[13].

Изнутри гробницы путника призывают остановиться, освежиться и отдать часть покойному в виде погребального возлияния; MISCE, BIBE, DA MIHI. Будучи размещенными рядом с общественными дорогами, памятники подвергались различным загрязнениям, которые маны осуждали, иногда угрожая местью нарушителям. Одним из самых частых нарушителей был писатель на стене, для которого сторона могильного памятника представляла заманчивое поле для осуществления его призвания. SCRIPTOR PARCE HOC OPUS - это обращение не автора к критику, а мужа к настенному писателю, умоляющее его не уродовать памятник жены.[14] Поскольку частой целью этих плакатов было рекомендовать кандидатов на должность, успех был обещан при условии, что на памятнике не будут писать. ITA CANDIDATUS FIAT HONORATUS TUUS, ET TU FELIX SCRIPTOR, SI HIC NON SCRIPSERIS. INSCRIPTOR ROGO TE UT TRANSEAS HOC MONUMENTUM. QOUIUS CANDIDATI NOMEN INSCRIPTUM FUERIT, REPULSAM FERAT, NEQUE HONOREM ULLUM GERAT"[15].

В раннем обществе не было большой опасности, что место, на котором совершалось погребение, будет использовано для обычных целей. Посягательство на могилу сурово каралось римским законом, в одних надписях оно осуждается из соображений гуманности, в других - грозит божественным возмездием. Фабий Авгурин предлагает это пожелание для того, кто должен пощадить могилу своей жены и ребенка;[16] SIC NUNQUAM DOLEAS ATQUE TRISTE SUSPIRES QUANTUM DOLORIS TITULUS ISTE TESTATUR. Другой умоляет:[17]

Sacratam cunctis sedem ne læde viator.
Hanc tibi nascenti fata dedere domum.

Еще один[18] произносит ужасное восклицание: QUISQUIS HOC SUSTULERIT AUT LÆSERIT, ULTIMUS SUORUM MORIATUR. Акт посвящения часто записывался на могиле с добавлением "Sub ascia" и фигуркой секиры или топора[19]. Но римские захоронения не имели юридической святости, подобной той, которой обладают наши церковные дворы; их брали с полей и садов, граничивших с шоссе, и у наследника был большой соблазн вновь присоединить землю к своей собственности. Надписи на римских гробницах свидетельствуют о том, что те, кто их возводил, заботились о том, чтобы они не были отчуждены для других целей или не перешли во владение других людей, а не тех, для кого они предназначались. Площадь, которую должна занимать гробница и ее принадлежности, тщательно определена; HIC LOCUS PATET IN FRONTEM PEDES XX.; IN AGRUM PEDES XXV.; иногда мы встречаем гораздо больших размеров. Если земля была предоставлена другим лицом для этой цели, то на памятнике иногда наносились слова о предоставлении. Право на использование усыпальницы для установки саркофагов или урн обычно определялось

словами: SIBI SUISQUE FECIT; часто давалось разрешение на погребение вольноотпущенников и вольноотпущенниц вместе с их господином. Иногда разрешается вносить в колумбарий ограниченное число *ollæ*, или погребальных урн,[20] или, с другой стороны, человеку запрещается по имени разделять могилу или даже приближаться к ней; EXCEPTO HERMETE LIBERTO QUEM VOLO PROPTER DELICTA SUA ADITUM, AMBITUM NEC ULLUM ACCESSUM HABEAT IN HOC MONUMENTO. В другой надписи, SECUNDINA LIBERTA, IMPIA IN PATRONUM SUUM, запрещается погребать в его гробнице.[21] Чопорное заявление, IN HOC MONUMENTO SOCIUM HABEO NULLUM, является редким исключением, и в целом надгробные надписи дают приятное представление об отношениях между господами и их домочадцами. Коллекция Грутера содержит много страниц надписей, выражающих взаимные чувства хозяев и покровителей, рабов и вольноотпущенников, и столь же обильные и приятные записи о чувствах рабов и вольноотпущенников к своим братьям.

Наследник был предметом особой ревности; HOC MONUMENTUM HÆREDEM NON SEQUITUR (H.M.H.N.S.) - обычная формула; противоположное условие, что памятник должен перейти к наследнику, встречается крайне редко.[22] Запрет на отчуждение выражен со всей полнотой юридической фразеологии; HOC MONUMENTUM, CUM ÆDIFICIO SUPERPOSITO NEQUE MUTABITUR, NEQUE VÆNIET, NEQUE DONABITUR, NEQUE PIGNORI OBLIGABITUR, NEQUE ULLO MODO ABALIENABITUR, NE DE NOMINE EXEAT FAMILIÆ SUÆ,[23] и иногда обеспечивается штрафом в пользу муниципалитета, римского народа или весталок и понтификов, для обеспечения взыскания которого одна четвертая часть должна идти доносчику. Юридическое сутяжничество вызывало большой страх как средство, способное нанести ущерб цели строителя памятника: поэтому мы часто встречаем протест: HUIC MONUMENTO DOLUS MALUS ABESTO; иногда с добавлением ET JURISCONSULTUS, сочетание, которое в странах, где практикуется гражданское право, является постоянной шуткой против юрисконсультов.[24] Чтобы исключить один из источников сомнений, мы находим человека, протестующего на своей могиле, в надписи, которой он предписывает воздвигнуть ему статую, что, когда он составил свое завещание, у него был "здравый и располагающий ум"; SANUS, SANA QUOQUE MENTE INTEGROQUE CONSILIO, MEMOR CONDITIONIS HUMANÆ, TESTAMENTUM FECI.[25] На пирамиде К. Цестия записано, что памятник был возведен за 330 дней, "arbitratu Pontii Cl. Melæ heredis et Pothi liberti", причем наследнику не доверили исполнение в одиночку. Так и у Горация (Sat. 2, 5, 105),

-Sepulcrum

Permissum arbitrio sine sordibus extruere.

В одной надписи условием наследования является то, что памятник должен быть начат через три дня после смерти наследодателя, и предписывается его модель. Сын извиняется перед отцом за то, что воздвиг ему скромный памятник, сославшись на малость наследства: "Si major auctoritas patrimoni mei fuisset, ampliori titulo te prosecutus fuisset, piissime pater." [26] При таком недоверии к потомству было естественно, что люди воздвигали свои памятники при жизни, оставляя наследникам лишь обязанность вписывать годы своего возраста; ведь год смерти, который римляне отмечали консулами, указывался редко. Sibi vivus fecit (иногда *se vivo*, *se vivis*, даже *me vivus*, *se vivus*) часто встречается, как на саркофаге М. Диогена Верекунда, ранее находившемся в Йорке. Миндус Зосимус Старший на своей гробнице ясно говорит нам о причине, по которой он не оставил выбор своему наследнику: он боялся, что тот выполнит эту обязанность в дряхлом виде.

Vivus mi feci, ne post me lentius heres

Conderet exiguo busta suprema rogo.[27]

Тело, однажды помещенное в гробницу, не могло быть перенесено в другую без разрешения понтифика, и даже ремонт гробницы, если он предполагал перемещение останков, не мог быть произведен без санкции властей. На гробнице одного вольноотпущенника мы находим копию прошения, которое он подал, чтобы ему разрешили перенести тела жены и сына, которые он временно поместил в *obruendarium*, или глиняный саркофаг, к памятнику из мрамора, "ut quando ego esse desiero, pariter cum iis ponar"[28].

Помимо самого памятника, в римских надгробных надписях упоминаются различные пристройки к нему. На этой территории располагались здания, предназначенные для ежегодного поминовения усопшего, о чем было составлено завещание. Мы читаем о *diæta*, или летнем домике; *солярии*, или открытом балконе; *accumbitorium*, или комнате для развлечений; *apparitorium*, в которой хранились столы и скамьи, используемые гостями. На территории, прилегающей к памятнику, часто находились колодец, цистерна или *пiscина*, откуда можно было брать воду для погребальных обрядов, и роща, где можно было рубить дерево для жертвоприношения. Если памятник располагался в саду, его называли *цепотафиум*. Для приема человека, охраняющего гробницу (*locus habitationis tutelæ causa*), возводилось здание, иногда постоянный *ædificium*, иногда простой *nubilare* или сарай, и эта должность обычно поручалась вольноотпущеннику, которого называли *ædituus*[29]. В надписях часто указывается сумма, которую покойный завещал для ежегодного празднования у его гробницы, обычно в день его рождения. Это происходило по-разному: то возлияниями вина и молока (*profusiones*), то осыпанием могилы розами (*rosalia*), сопровождавшимся пиром. L. OGIUS PATROCLUS, HORTOS CUM ÆDIFICIO HUIC SEPULCRO JUNCTO VIVUS DONAVIT, UT EX REDITU EORUM LARGIUS ROSÆ ET ESCÆ PATRONO SUO ET QUANDOQUE SIBI PONERENTUR.[30] Мы находим завещателя, который предписывает, чтобы ежегодный праздник, на который он оставляет 125 денариев, устраивался пагани, или сельскими жителями района, в день его рождения, или, если это условие будет проигнорировано, чтобы здание и наследство перешли к Коллегии врачей и его вольноотпущенникам, чтобы они могли пировать в этот день. QUOD SI FACTUM NON ERIT, TUM HIC LOCUS, UT SUPRA SCRIPTUM EST CUM ANNUIS CXXV. (denariis) IN PERPETUUM AD COLLEGIUM MEDICORUM ET AD LIBERTOS MEOS PERTINEAT, UT DIE NATALE MEO EPULENTUR.[31] Мы не должны связывать с "Коллегией врачей" идеи слишком большого достоинства. У римлян каждая юридическая организация была коллегией, а медицинский корпус включал в себя практикующих врачей любого уровня, вплоть до ветеринара и акушерки[32].

Еще одна почетная дань, которую предусматривали завещатели, - это зажжение лампы в памятнике или подпитка его маслом. Все, кто изучал останки римских древностей, знают, как часто лампы встречаются на могильных памятниках. Следующая надпись приглашает прохожих оказать эту услугу:[33]

Quisquis huic tumulo posuit ardente lucernam
Illius cineres aurea terra tegat.

Чтобы эти обряды были исполнены должным образом, памятник тщательно закрепляет право "*puteum adeundi, hauriendi, coronandi, sacrificandi, ligna sumendi, mortuos mortuasve inferendi*", а также "*itus, actus, aditus, introitus, ambitus*". Как тогда, так и сейчас, закон восхищался исчерпывающими перечислениями. Обеспечение вечного празднования этих погребальных почестей было одной из целей, ради которой отчуждение земли было так строго запрещено. Тит Илий, вольноотпущенник Августа, оставляет памятник, воздвигнутый им и его женой, своим вольноотпущенникам, вольноотпущенницам и их потомкам: ITA UT NE DE NOMINE SUO AUT FAMILIA EXEAT; UT POSSIT MEMORIÆ SUÆ QUAM DIUTISSIME

SACRIFICARI.[34] На эти ежегодные памятные приношения намекает поэтическая надпись мужа своей жене, похищенной в молодости.[35]

Lac tibi sit Cybeles, sint et rosa grata Diones,
Et flores grati Nymphis et lilia certa.
Sintque precor, meritæ qui nostra parent tibi dona
Annua, et hic manes placida tibi nocte quiescant,
Et super in nido Marathonia cantet aëdon.

В римских надгробных надписях не часто встречается конкретное упоминание причины смерти. Так, отец сообщает о ранней смерти своего сына от падения в колодец:[36]

Parva sub hoc titulo Festi sunt ossa Papiri
Quæ mœrens fato condidit ipse pater.
Qui si vixisset domini jam nomina ferret.
Hunc casus putei detulit ad cineres"[37].

Следующая надпись фиксирует смерть мужчины и женщины-рабынь, раздавленных толпой на Капитолии, которая, возможно, собралась, чтобы посмотреть на британских пленников, которых вели в цепях в триумфальной процессии:[38]

Ummidiæ Manes tumulus tegit iste simulque
Primigeni vernæ, quos tulit una dies.
Nam Capitolinæ compressi examine turbæ
Supremum fati competiere diem.

Илиус Прокулин на могиле своей жены произносит проклятие в адрес тех, кто сократил ее жизнь магическими заклинаниями. CARMINIBUS DEFIXA JACUIT PER TEMPORA MUTA, UT EJUS SPIRITUS, VI EXTORQUERETUR QUAM NATURÆ REDDERETUR. CUJUS ADMISSI VEL MANES VEL DI CŒLESTES ERUNT SCALERIS VINDICES"[39].

Уязвленные привязанности имели своих жертв. П. Л. Модест ставит памятник Телесинии Криспинилле: CONJUGI SANCTISSIMÆ, QUÆ OB DESIDERIUM FILI SUI PISSIMI VIVERE ABOMINAVIT ET POST DIES XV FATI EJUS ANIMO DESPONDIT.[40] О таком же избытке материнского горя, вызвавшем смерть его жены, мягко жалуется Цериалий Калистион; DUM NIMIS PIA FUIT FACTA EST IMPIA.[41] Коммунис и Казий надписывают памятник в память о дочери, умершей в возрасте пятнадцати лет, и о сыне: QUI POST DESIDERIUM SORORIS SUÆ UNA DIE SUPERVIXIT.[42] Следующий дистих фиксирует смерть Антонию Мауры от ее ухода за больным мужем:...

Itala me rapuit crudeli funere tellus,
Dum foveo nimia sedulitate virum.

Жалоба на то, что "врачи были напрасны", относится к глубокой древности[43].

Ussere ardentes intus mea viscera morbi,
Vincere quos medicæ non potuere manus.

Плиний не сохранил имени несчастного, чей памятник гласил TURBA MEDICORUM SE PERIISSE,[44] что он умер от множества врачей. Хирурги также не избежали упреков в недостатке мастерства. MEDICI MALE MEMBRA SECARUNT; CORPORI QUOD SUPER EST TUMULUM TIBI FECI, похоже, это обращение мастера к своему гладиатору, который, хотя и был искалечен, одержал победу, но потерял жизнь из-за неумелого обращения с ранами[45].

Надписи любопытны для ученого как свидетельство изменений, которым подвергался латинский язык в последующие эпохи. Рукописи плохо отвечают этой цели, потому что переписчики были очень склонны, либо по привычке, либо желая сделать свои труды более продаваемыми, менять старые формы на новые, особенно в орфографии. Надписи на могилах, обычно являющиеся делом рук частных лиц, более точно отражают язык обычной жизни, чем публичные памятники. Для филолога они служат той же цели, что и провинциальные диалекты, в которых часто сохраняется старый язык страны, когда он стирается в правильной и модной речи. От надписей в гробнице Сципиона в начале третьего века до нашей эры до установления христианства, после чего постепенно прекращается использование языческих формул, мы имеем последовательность примерно в шесть столетий. Я приведу несколько примеров, собранных из погребальных надписей, которые либо проливают свет на историю латинского языка, либо иллюстрируют ту вульгарную идиому и произношение, которые повлияли на формирование современного итальянского.

Аналогия с греческим языком и формой *paterfamilias* приводит к выводу, что генитив первого склонения первоначально был образован *om s*, затем лишился последней буквы и стал *ai*, и наконец сократился до *æ*.^[46] В погребальных надписях я не встречал генитивов обычных существительных этого склонения, образованных *om s*, но мы находим *Faustines*, *Bellones*, *Midaes*, как генитивы собственных имен, которые, согласно грамматическим правилам, должны были быть образованы от *æ*. Дательный женского рода в *abus* допускается грамматиками в случаях, когда двусмысленность пола возникла бы из-за использования *is*, как в *deabus*, *filiabus*, *libertabus*; но мы находим его в надписях, где такой двусмысленности нет, как в *pumphabus*, *fatabus* и даже *horabus*. Что еще более примечательно, так это распространение этого образования дательного падежа на второе склонение, в таких словах, как *diibus* и *amicibus*. Некоторые отступления от обычного употребления, несомненно, могут быть объяснены тем обстоятельством, что в Италии, как и в Англии, кладбищенская муза была "неграмотной музой". "*Hic jacit*"^[47] в латинской надписи не больше доказывает отсутствие различий между глаголами среднего рода и активного, чем "*here lays*" на английском церковном дворе. Мы также не можем утверждать на основании таких конструкций, как "*cum quam bene vixi*", "*ab ædem*", что *cum* и *ab* управляли винительным падежом; или на основании такого согласования, как *hunc collegium*, что существительные в *um* когда-то были мужского рода. Но во многих случаях то, что поначалу кажется лишь вульгарными солецизмами, оказывается обоснованным по аналогии. *Дуа* как средний род для дуо^[48] Квинтилиан называет варваризмом (1, 5, 15); однако он признает, что все говорили *дуапондо* и что Мессала считал это правильным. *Evento* для *eventui*, *spirito* для *spiritui* показывают, что двойной способ склонения не ограничивался *domus*. *Solo* для *solī* пользуется авторитетом у Катона, который использовал *solī* для *solius*, и у Теренция, который использовал *solæ* для того же случая.^[49] "*Fatus suus*" на памятнике может показаться ошибкой, но *malus fatus* встречается у Петрония Арбитера (стр. 270). Мы находим в надписи^[50]

*Diva, precor, Tellus alvo complectere sancta
Ossua quorum in hoc nomina sunt lapide.*

и *ossuarium*, вазу, в которой хранились сожженные кости, показывает, что *ossua* была легитимной формой. Использование *carere* с аккузативом^[51] ("*Filios duos caruit*": "*Dulcem carui lucem, cum te amisi ego conjunx*") имеет параллель в Плавте. Обычная конструкция *compro* - с генитивом, но это не солецизм, когда Л. Стаций Диодор надписывает скрижаль Богу: "*Quod se precibus compotem fecisset*"; ибо Ливий (3, 35) использует его с аблативом.

Использование *susum* для *sursum* объясняет латинское *sus* (в *susque deque*) и итальянское *su*. *Meses* для *menses*, *senu* для *sinu*, *laguna* для *lacuna*, *longitia* (*lunghezza*) для *longitudo*, *so* для *sum*, все встречающиеся в надписях на могилах, показывают склонение латинского языка к итальянскому.

Итальянец приставляет *i* к слову, начинающемуся с *s* и согласной, когда оно следует за словом, оканчивающимся на согласную, как *iscambio*, *iscoglio*, *ispirito*; и мы находим в надписях *iscribit*, *ispiritus*.^[52] "С бедной буквой Н" обращались с той же варварской капризностью, что и сейчас: ее опускали, где она должна стоять, и интерполировали, где не должна. Таким образом, мы встречаем *ora*, *ortulus*, *omo*, *ospitium*, *onestus*; а с другой стороны, *hædiculus*, *helephantus*, *horiundus*, *hordini*, *Hosiris* и *post hobitum*. Однако тех, кто опускает придыхание, всегда больше, чем тех, кто его вставляет; в Италии они в конце концов одержали верх, и оно изгнано в произношении из современного итальянского языка, который в этом отношении следует обычаю старых римлян, которые говорили *ædos* и *ircos*.^{[Частая замена *b* на *v* в более поздних памятниках, *bibi* на *vivi*, *bixit* на *vixit*, *lebo* на *levo*, *habe* на *ave*, была вызвана тем, что *b* произносилось как в греческом, так и в латинском с небольшим придыханием,}^[54] откуда мы видим, что греческие писатели обозначают Варро как Βάρρων, а Флавия как Φλάβιος.

Записи о профессиях и занятиях умерших, которые содержат римские надгробные надписи, часто дают любопытное представление о различиях в нравах и обычаях между древним и современным миром. Они восполняют недостатки надписей в книгах или объясняют непонятные и одинокие места в классике. Одно отличие очевидно. Не было ложного стыда в признании скромного положения, которое занимал покойный при жизни. Торговец свиньями записан как "*negotiator suarius*"; женщина-зеленщик - как "*negotiatrix frumentaria et leguminaria*", державшая ларек возле одной из лестниц, спускавшихся к Тибру.^[55] Сейчас на могиле практикующего врача не упомянуть, что он начал практиковать свое искусство на многих рыночных площадках "*fora multa secutus*". "Возможно, самым ярким примером разницы между древними и современными представлениями в этом отношении является гробница Эмилии Ирины, муж которой называет себя "*stupidus gregis urbani*", клоуном городской компании конных бандитов^[57] Эта профессия все еще находит кандидатов, но их призвание вряд ли было бы зафиксировано на их погребальных памятниках. Разница в ощущениях в древние времена, возможно, объясняется тем, что эти конные люди выступали на праздниках в честь богов и таким образом приобрели определенную респектабельность. Христианский писатель Арнобий упрекает язычников в этой практике. "*Mimis dei delectantur stupidorum capitibus rasis, factis et dictis turpibus, fascinorum ingentium rubore.*"^[58] Л. Корнелий Януарий записан на своем памятнике как *fanaticus* храмов Исиды, Сераписа и Беллоны, то есть один из тех, кого жрецы нанимали для стимулирования рвения верующих дикими и бешеными жестами, которые, как предполагалось, указывали на вдохновение божества.^[59] Римские греки ставят памятник актеру пантомимы Пиладу, который впервые вывел на римскую сцену Иона и Трояду Еврипида и за свою восхитительную игру удостоился комплиментов в виде украшений из самых значительных городов Италии.^[60] Надгробные надписи свидетельствуют о мельчайших подразделениях искусства общественных развлечений. Одной из них мы обязаны знанием того, что когда греческие мимы (фарсы) представлялись населению в Риме, объяснение *vivâ voce* на латинском языке отвечало цели переведенного либретто.^{[Урсус Тогатус в своей надписи прославляет себя как первого, кто продемонстрировал подвиги изящной ловкости со стеклянным шаром на потеху тем, кто часто посещал бани Траяна, Агриппы, Тита и Нерона.}^[62] Древние ловкачи, похоже, по

крайней мере соперничали с индийскими жонглерами. Один из них даже был признан византийским историком Никифором Грегорасом достойным памяти.^[63] Он мог подбросить в воздух стеклянный шар и поймать его при падении на острие ногтя, конец локтя и другие части тела. Другая надпись хвастается тем, что ее автор мог закрепить стрелу в полете другой стрелой. Зафиксированы случаи раннего владения театральным искусством. Эвхарис, умершая в возрасте четырнадцати лет, заявляет на своей могиле, что она была

Docta, erodita pæne Musarum manu;
Quæ modo nobilium ludos decoravi choro
Et Græca in scena prima populo apparui.

Еще более примечательным примером быстроты является история Л. Валерия, который на тринадцатом году жизни был коронован в Капитолии на конкурсе латинской поэзии.^[64] Театральные надписи, которые обычно относятся к грекам, носят хвастливый характер, чуждый гению римлян. Смерть Виталиса, актера и мимика, должна была стать общественным бедствием, "затмившим веселье народов", если верить его эпитафии.

Me viso rabidi subito cecidere furores;
Ridebat summus me veniente dolor.
Non licuit quenquam mordacibus urere curis,
Nec rerum incerta mobilitate trahi.
Vincebat cunctos præsentia nostra timores,
Et mecum felix quælibet hora fuit.
Fingebam vultus, habitus ac verba loquentum
Ut plures uno crederes ore loqui.
Ipse etiam, quem nostra oculis geminabat imago,
Horruit in vultu se magis esse meo.

То есть человек, которому подражали, с удивлением обнаруживал, что подражание больше похоже на него самого!^[65] Один пример, однако, другого рода мы можем привести, который за его выразительную простоту мог бы быть помещен на памятник Макриди. INGENUUM COMÆDUM, PROPTER SINGULAREM ARTIS PRUDENTIAM ET MORUM PROBITATEM. Последнее качество, по-видимому, было редкостью среди театральных артистов, и мы можем простить яростное рвение христианских отцов против сцены, когда читаем на могиле девушки, которая обучалась пантомиме

Cujus in octava lascivia surgere messe
Cœperat, et dulces fingere nequitias"^[66].

Прежде чем оставить то, что можно назвать внешними особенностями римских надписей на могилах, мы можем обратить внимание на обычай помещать на гробницу изображения орудий труда, которыми пользовался покойный в своей профессии. Гробница пекаря, обнаруженная несколько лет назад возле Порта Маджоре в Риме, была построена в форме печи, а на ней были изображены хлеба, корыто для замешивания и мельница, работавшая на осле.^[67] Из гробницы Косутия, плотника, мы узнаем форму квадрата, отвеса, компасов, штангенциркуля и долота, причем последнее в точности повторяет форму *кельта*, о котором много писали антиквары. Орнатрикс, или шиномонтажница, объявляет о своем жизненном призвании зеркалом и флаконом духов; табелларий, или почтальон, - графицием, или футляром для пера и чернил; менсор ædificiorum - децемпедой, или десятифутовым правилом; культрарий, или резчик, - ножами. Появление этих эмблем на христианских гробницах, как говорят, породило репутацию несанкционированных мученичеств; предполагается, что косаря заживо истлевали, чесальщика шерсти разрывали на куски

железными гребнями, кузнеца пытали щипцами, плотника распиливали на две части[68]. На надгробии в музее Йоркширского философского общества выгравированы колокол и плавильный котел, что указывает на то, что оно покрывает могилу колокололитейщика. Подобные эмблемы были найдены в церкви Бейквелла и на сайте в других местах.[69] В настоящее время только на военных и морских памятниках можно увидеть профессиональные эмблемы.

Из надписей на надгробных камнях невозможно сделать вывод о средней продолжительности человеческой жизни в те века, которые они охватывают. Обычно они с точностью фиксируют возраст умершего, часто с упоминанием месяцев, дней и часов, но это лишь фрагменты записи о смертности в том виде, в котором она существовала изначально, и сама эта запись была очень несовершенной. Огромное количество людей, конечно же, было сожжено или похоронено, и им не было поставлено никаких памятников. За Эсквилинскими воротами находились ямы, в которых беспорядочно хоронили простых людей. По утверждению Ульпиана, писавшего в царствование Александра Севера, реестры населения, возраста, пола, болезней и смертей велись цензорами с точностью до мелочей на протяжении десяти веков, и по наблюдениям, основанным на них, согласно "Медицинской статистике" доктора Биссета Хокинса,[70] которую я цитирую, ожидаемый или средний срок человеческой жизни у римлян составлял тридцать лет; тогда как в Англии, по словам мистера Финлейсона, он составляет пятьдесят для легких слоев общества и сорок пять для всего населения. Я не слишком доверяю счетам смертности времен Сервия Туллия, учитывая редкость даже исторических документов в ранние века Рима. Да и памятники в значительной части случаев посвящены военным, которые, судя по всему, были умерщвлены в очень раннем возрасте. Но можно привести множество причин, по которым средняя продолжительность жизни была короче, чем в Англии. Среди них не было никаких условий для бедных, если только можно назвать таковыми нерегулярное изобилие *конгуариев*; не было общественных больниц; город во многих частях был нездоровым; их одежда не способствовала чистоте, хотя в некоторой степени это исправлялось баней; и жизнь часто сокращалась из-за самоубийства, которое считалось преступлением, если не заслугой. Средняя цифра, которую дают надписи, несомненно, низка; я заметил одну смерть в 102 года,[71] 90 из которых прошли без болезней, и одну в 100 лет,[72] одну в 92 года,[73] но это редкость. Валерий Юлиан надписывает памятник своему сыну, которому было три года, и его матери (*mammulæ*), которой было 80 лет.

Dispara damna lege Parcarum et stamina dispara;
Hæc ridenda mihi est, hic lacrymandus erit.
Hæc namque emeritos bis quadraginta per annos
Vixit; at hic tertio Consule natus obit.
Cur modo tam præceps, iterum tam sera fuisti
Funeris amborum dic rea Persephone.
Vix lucem vidisse satis qui vivere posset;
Vivere quæ nollet vix potuisse mori.[74]

Теперь мы подходим к более интересному вопросу. Какой свет бросают римские надписи на могилах на социальные отношения, домашние привязанности, религиозные верования людей, от которых они происходят? Голос природы звучит из гробницы более искренне, чем где-либо еще; и если монументальные фразы в конце концов становятся формульными и бессмысленными, то, по крайней мере, в своем происхождении они несут в себе глубокий смысл и выражают подлинные чувства. Нам любопытно узнать, как люди, столь непохожие на нас по нравам и религии, выражали свое отношение к самому торжественному событию в

жизни человечества. За какие качества они восхваляли своих ушедших друзей? Независимо от того, правдив или нет этот монументальный панегирик в отношении отдельного человека, он, во всяком случае, научит нас, каким был стандарт добродетели в представлениях того времени. Каким языком они выражали свою привязанность или сожаление? С какими надеждами на будущее они прощались?

Римский лапидарный стиль был хорошо приспособлен для выражения чувств или описания характера с энергичной лаконичностью, и в этом отношении он разительно отличается от рассеянных и перегруженных эпитафий, которыми восторгаются современные люди. Многословная или хвастливая эпитафия на латыни вызывает подозрение у критика надписей, если только она не относится к последней эпохе язычества.^[75] Использование латинского языка не помогло сдержать многословие современных композиторов; только итальянцы уловили истинный дух классической античности и могут вместить много смысла в несколько слов. Язык подлинной скорби прост и лаконичен. Что может передать сердцу чувство материнской скорби и привязанности более убедительно, чем апостроф: AVE LUCI, PRÆREPTE MATRI! или FILI BENE QUIESCAS! MATER TUA ROGAT TE UT ME AD TE RECIPIAS. Надпись на саркофаге в нашем музее: D. M. SIMPLICIÆ FLORENTINÆ, ANIMÆ INNOCENTISSIMÆ, QUÆ VIXIT MENSES X., SIMPLICIUS PATER FECIT, ничего не выиграла бы в пафосе от подробного описания скорби отца. Не помогла бы и надпись, сделанная родителями на Корнелии Анниане, которая умерла как раз тогда, когда ее болтовня начала радовать их слух. FILIÆ DULCISSIMÆ, JAM GARRULÆ, BIMULÆ NONDUM.^[76] Подавляющее большинство записей об умерших довольствуются упоминанием имени, должности и возраста или таким кратким и скромным восхвалением, которое выражается в словах HOMINI OPTIMO ET SINGULARIS EXEMPLI.

Иногда, правда, в эпитафиях мы встречаем обыгрывание имени, что вряд ли соответствует нашим представлениям о подлинном стиле подобных сочинений. И все же искреннюю печаль может вызвать связь между именем и характером, о чем свидетельствует вторая из этих надписей, или облегчение в игривой аллюзии в третьей. На могиле Апера^[77] была начертана такая надпись:...

Innocuus Aper ecce jaces, non Virginis ira
Nec Meleager atrox perfodit viscera ferro.

А на гробнице Гликониса,^[78] -

Hoc jacet in tumulo secura Glyconis honesto.
Dulcis nomine erat, anima quoque dulcior usque.

На том, что принадлежит Флориду, начертано, кажется, с цветком,^[79] -

Quod vixi, flos est. Servat lapis hoc mihi nomen.
Noli Deos Manes; flos satis est titulo.

То, что наши писатели по геральдике называют *кантингом*, а французы - *armes parlantes*, то есть фигуры, аллюзивные к фамилиям, не было неизвестно римлянам; оно встречается на их монетах; в виде бычка (vitulus) на денарии К. Вокония *Витула*; мурекса на денарии Фурия *Пурпурея*; ноги на денарии *Крассипа*, и цветка на денарии Аквиллия *Флора*^[80].

В тех надписях, которые содержат более полное перечисление общественных заслуг, человеку, привыкшему к современным, бросается в глаза одно отличие, а именно отсутствие в первых всякого упоминания об актах социальной благотворительности. Правда, возведение фонтана, строительство дороги, посвящение храма, выставка гладиаторских и

цветочных игр, завещание наследства на ежегодный праздник и подобные акты народного благородства часто отмечаются как почетные звания; но я не помню, чтобы в языческие времена я встречал записи о жизни, посвященной облегчению страданий, помощи нуждающимся, искоренению невежества и порока. Такие добродетели особенно характерны для школы христианства. Следующая надпись по своему содержанию относится к христианке, даже если бы дата не относилась к середине пятого века нашей эры. DEO FIDELIS, DULCIS MARITO, NUTRIX FAMILLÆ, CUNCTIS HUMILIS, PLACATO PURO CORDE, AMATRIX PAUPERUM"[81].

Когда родители воздвигают похоронный памятник своим детям, надпись на нем очень часто воплощает настроение Катона Старшего, выраженное в Cicero de Senectute (с. 23), об инверсии порядка природы, которую влечет за собой исполнение родителем такого долга. "Catonem, cujus a me corpus crematum est; quod contra decuit ab illo meum". Так в надписи в Неаполе, сделанной Кальвидием своему сыну, умершему в возрасте 20 лет: QUOD FILIUS PATRI FACERE DEBUI PATER FECIT FILIO; и в другой: QUOD FILIA PATRI FACERE DEBUERAT MORS IMMATURA FECIT UT FACERET PATER. Это настроение сжато выражено в следующем дистихе: -

Quod decuit natam patri præstare sepulto
Hoc contra natæ præstitit ipse pater.[82]

Мать, хороня своего сына, умершего в возрасте 35 лет, жалуется: HUNC LEGES LETI PRÆPOSTERÆ ERIPUERUNT MATRI, QUÆ UT ANNIS MORTE QUOQUE ESSET PRIOR. Родители называют себя не только *infelicissimi* из-за потери детей, но *impii* и *crudeles*, потому что они их пережили.

Дети из преждевременной могилы пытаются умерить горе своих родителей, возлагая вину на судьбу.

Nec tibi nec nobis æternum vivere cessit:
Quod pueri occipimus Fata querenda putes.[83]

Отец оправдывается перед дочерью за то, что не умер и не смешал свой прах с ее прахом, своим долгом перед оставшимися в живых детьми.

Quæ tibi cunque mei potuerunt pignora amoris
Nata, dari, populo sunt lacrumante data.
Et volui majora nimis; sed cura meorum
Fida tui prohibet me cinerem esse rogi"[84].

Матери сожалеют, потеряв своих детей, о том, что они вообще стали матерями.

Cernis ut orba meis, hospes monumenta locavi,
Et tristis senior natos miseranda requiro.
Exemplis referenda mea est deserta senectus,
Ut steriles vere possint gaudere maritæ.[85]

Hæc quæcunque legis, devoto pectore, mater
Da lacrimas, et me sic peperisse dole.
Hic jacet, extinctus crudeli funere, natus
Ultima vivendi qui mihi causa fuit.[86]

Смысл следующей надписи часто встречается на памятниках, и ей подражают в наше время. MATER MONUMENTUM FECIT MCERENS FILIO, EX QUO NIHIL UNQUAM DOLUIT, NISI CUM IS NON FUIT.[87]

Из надписей на могилах мы узнаем, что у римлян были такие же привычные заменители официальных обращений к отцу и матери, *mamma* и *tata*, как и у нас. В Риме найдена следующая надпись: D.M. ZETHO CORINTHUS TATA EJUS ET NICE MAMMA. VIXIT. ANN. I. D. VI.[88] Они снова имели свои ласковые уменьшительные имена, *маммула* и *татула*. Вероятно, однако, что ими пользовались только вольноотпущенники и представители этого класса общества. В одном случае[89] мужчина ставит памятник своей престарелой *бонне* - NONNÆ SUÆ. Это слово не встречается в классической латыни, но оно является несомненным оригиналом слова "*nun*" и может навести на мысль, что монастырские обеты первоначально принимали в основном женщины в возрасте. В Италии в настоящее время это привычное название бабушки.

Надписи детей на могилах родителей, как и следовало ожидать, более краткие и общие, выражающие благодарность и сыновнюю почтительность: MATRI DULCISSIMÆ, PIENTISSIMÆ, или PISSIMÆ, CARISSIMÆ, OPTIMÆ; PATRI AMABILI, OPTIMO; или вместе PARENTIBUS OPTIMIS, - таков обычный стиль этих надписей. На памятнике Меи написано, что она была матерью семи сыновей, которые вместе воздвигли в ее память монумент из парийского мрамора.

Meia fui, felix septem circumdata natis;
Dum vixi adstabat turba tenella mihi.
Ut mihi grata vicem natorum turba referret
Hoc mihi de Pario marmore struxit opus"[90].

Я должен заметить, что авторы фиктивных надписей нигде не были так активны, как в создании *сентиментальных* надписей. Надпись на Юлии Альпинуле была признана подлинной Иоганном Мюллером, историком Швейцарии, а лорд Байрон назвал ее самым патетическим из человеческих сочинений. JULIA ALPINULA HIC JACEO. INFELICIS PATRIS INFELIX PROLES DEÆ AVENTICÆ SACERDOS. EXORARE PATRIS NECEM NON POTUI. MALE MORI IN FATIS ILLI ERAT. VIXI ANN. XXIII. Намек взят у Тацита (Hist. 1, 68), где говорится, что Цецина предал смерти Юлия Альпина, главного человека Авентикума. Это письмо было отправлено Паулюсом Гулиэльмусом, известным литературным самозванцем, Липсию, но оригинал никогда не был найден, и теперь все признают, что это подделка. Не мало поэтических надписей в "Антологии" Бирманна относятся к XVI и XVII веков. Однако несомненно, что прекрасные строки в начале "Lusus Poetici" Йортина не были подделкой автора -

Quæ te tam tenera rapuerunt Poëta juventa,

были приняты в сборники как древние.

Среди надгробных надписей, возникающих на почве жизненных отношений, наиболее распространены, естественно, надписи мужей и жен. Знаменитая речь цензора Метелла Нумидикуса, увещевавшего римлян к браку, не свидетельствует о высокой оценке женского пола. "Если бы, - сказал он, - о квириты, мы могли обойтись без жен, мы все хотели бы избавиться от этой досады; но поскольку природа так устроила вещи, что мы не можем ни комфортно жить с ними, ни совсем без них, мы должны мириться с временными неудобствами ради постоянной выгоды". Геллий, который передает эту речь, естественно, замечает, что это не было очень сильной рекомендацией брака, и что ему следовало бы

сказать, что в целом брак не имеет проблем; что если они иногда и возникают, то их мало, они легкие и легко переносятся и отбрасываются в тень более важными удовольствиями и преимуществами; и что проблемы, которые все же возникают, случаются не со всеми, и не по вине природы, а по вине и несправедливости мужей. Кастриций, напротив, защищал Метелла и утверждал, что как цензор он обязан говорить всю правду, известную ему самому и признаваемую всеми остальными.[91] В таком вопросе нечестно опираться на свидетельства книг, в которых, по крайней мере в древние времена, можно услышать только одну сторону; или сатириков, которые все поголовно являются карикатуристами и, как правило, недоброжелательными людьми; или поэтов, чья собственная жизнь была вопиюще развратной; или делать выводы относительно характера римских женщин в целом на основании нескольких печально известных примеров порока в высших кругах. Я считаю, что мы можем получить более верное, а также более благоприятное представление о супружеских отношениях в императорские времена из надгробных надписей. Они исходят от представителей среднего класса, которые придают моральный облик обществу; они очень многочисленны, и я не могу не верить свидетельству, которое они несут об общем счастье супружеского состояния.

Немногочисленные надписи о женщинах, дошедшие до нас со времен республики, показывают, какими практичными, незлобивыми и домовитыми были качества, которые ценились в римской матроне, но не без тех даров приятной речи и грациозной осанки, которые подчеркивают более твердые достоинства женского характера.

Hospes quod deico paullum est: asta ac pellige.

Heic est sepulcrum pulcrum pulcrae feminæ.

Nomen parentes nominarunt Claudiam.

Suom mareitom corde dilexit souo.

Gnatos duo creavit: horunc alterum

In terra linquit, alium sub terra locat.

Sermone lepido, tum autem incessu commodo,

Domum servavit, lanam fecit. Dixi. Abei.[92]

Те же качества преобладают в надписи более позднего времени. HIC SITA EST AMYMONÆ MARCI OPTIMA ET PULCHERRIMA, LANIFICA, PIA, PUDICA, FRUGI, CASTA, DOMISEDA.[93]

Интеллектуальные достижения, однако, не остались без внимания. JULIÆ LUC. FILIÆ TYRANNIÆ VIXIT ANN. XX.M.VIII. QUÆ MORIBUS PARITER ET DISCIPLINA CŒTERIS FEMINIS EXEMPLO FUT, AUTARCIUS NURUI. LAURENTIUS UCSORI.[94] Супружеская жизнь римлян, по-видимому, была удивительно свободна от тех бытовых разногласий, которые Пэйли,

согласно известному анекдоту, считал полезным корректором ее скучности. CONJUX INCOMPARABILIS, CUM QUA VIXI XXX ANNOS SINE QUERELA; SINE JURGIO; SINE DISSIDIO; SINE ÆMULATIONE; SINE ULLA ANIMI LÆSIONE, являются свидетельствами, постоянно встречающимися со стороны мужей по отношению к своим женам. В коллекции Фабретти есть несколько надписей, заявляющих, что эта гармония сохранялась в течение полувека супружеской жизни.[95] Памятники, воздвигнутые женами своим мужьям, менее многочисленны, но они несут те же свидетельства супружеской гармонии. D.M. D. JUNI PRIMIGENIO QUI VIXIT ANNIS XXXV JUNIA PALLAS FECIT, CONJUGI KARISSIMO ET PIENTISSIMO DE SE BENEMERENTI, CUM QUO VIXIT ANNIS XV MENSES VI DULCITER SINE QUERELA.[96] Мы находим мужа, записавшего на могиле жены свою клятву никогда не вступать во второй брак.

TEMPIUS HERMEROS CONJUGI CARISSIMÆ FECIT CON (sic) QUA VIXIT ANNOS XVIII SINE QUERELA. CUJUS DESIDERIO JURATUS EST SE POST EAM UXOREM NON HABITURUM.[97] Нередки случаи, когда смерть жены была первой причиной горя, которое она причинила

своему мужу, как в следующем примере в Риме. T. FL. CAPITO CONJUGI CASTISSIMÆ PISSIMÆ ET DE SE OPTIME MERITÆ, DE QUA NULLUM DOLOREM NISI ACERBISSIMÆ MORTIS EJUS ACCEPERAT"[98].

Одна надпись, казалось бы, свидетельствует о другом чувстве: муж говорит о своей жене на ее памятнике: CUJUS IN DIE MORTIS GRATIAS MAXIMAS EGI APUD DEOS ET APUD HOMINES; а редактор, Орелли, замечает по этому поводу "mirum dicterium!" - странный сарказм. Действительно, в том смысле, который он ему приписывает, это было бы не только странно, но и жестоко, но, несомненно, допускает более откровенное толкование, согласно которому муж видел, как его жена долго мучается, и был благодарен за ее освобождение. Это можно проиллюстрировать другим примером. OMIDIA BASILISSA VIXIT ANNOS XXV. QUÆ POST LONGAS ET VARIAS INFIRMITATES HOMINIBUS EXEMPTA EST. MISERA VALE. MACEDO MARITUS.[99] Таков же смысл утешения, с которым К. Публиций обращается к своим родителям.

Tempera jam genitor lacrimis, tuque, O optima mater,
Desine jam flere: pœnam non sentio mortis.
Pœna fuit vita; requies mihi morte parata est.[100]

Смерть иногда приходила быстро, чтобы разрушить перспективы счастья. D. M. L. ARULENUS SOSIMUS FECIT CLODIÆ CHARIDI SUÆ CONJUGI DULCISSIMÆ, QUÆ SI AD VITÆ METAM PERVENISSET, NON HOMINIBUS NEQUE DIS INVIDISSET; SET VIX SECUM VIXIT DIES XV.[101] Следующая надпись прекрасно выражает пожелание, чтобы гармония, в которой пребывали П. Manlius Surus и его жена жили, могла быть продлена в месте совместного упокоения их останков; UT CONCORS VIVORUM ANIMUS STETIT, ITA CONCORS MORTUORUM CINIS HIC JACEAT.[102] Иногда на могилах матерей их мужьями или детьми делается надпись, что они выполнили долг, который философ Фаворин призывал к римским матронам,[103] а Тансилло и Роско - к женщинам Италии и Англии, - быть не только матерью, но и кормилицей. GRATIÆ ALEXANDRIÆ, INSIGNIS EXEMPLI AC PUDICITIÆ, QUÆ ETIAM FILIOS SUOS PROPRIIS UBERIBUS EDUCAVIT, PUDENS MARITUS. LICINIÆ PROCESSÆ, MATRI PIÆ NUTRICI DULCISSIMÆ, CRESCENS FECIT"[104].

Однако мы находим следы влияния возможности развода. Северные суеверия представляли мать в могиле обеспокоенной жестоким обращением со своими детьми и приходящей в ночных видениях, чтобы запугать их мачеху и заставить ее лучше обращаться с ними; но одна римская мать дожила до того, что на могиле своего сына записала, что он был отравлен мачехой. D. M. L. HOSTILI TER SILVANI ANN. XXIV. M. II. D. XV. MATER FILIO PISSIMO. MISERA ET IN LUCTU ÆTERNALI BENEFICIO (VENEFICIO) NOVERCÆ.[105] Другая супружеская дань раскрывает необычный результат того же состояния права. Т. Сентий Януарий и Л. Теренций Трофим совместно воздают должное Хостилии Каприоле.[106] Она, должно быть, была замужем за одним из них после развода с другим; и поскольку они согласны называть ее CONJUGI BENE MERENTI, мы должны предположить, что первый брак был расторгнут без преступлений с ее стороны. Такая ассоциация кажется странной даже в тех континентальных странах, где разведенная жена может сидеть за столом между своим первым и вторым мужем.

Я завершу тему "affectus conjugum" цитатой прекрасной надписи, найденной, как говорят, на памятнике в Риме, который изображен у Грутера.[107] Она представляет собой диалог между Атиметом, вольноотпущенником Тиберия Сезара, и его покойной женой (colibertæ et contubernali) Клавдией Гомонеей; муж признается в своем желании умереть и воссоединиться со своей женой; жена выражает надежду, что то, что было отнято у нее

самой, может быть добавлено к его жизни. Это произведение не избежало подозрений, хотя большинство критиков признают его подлинность. Если она подлинная, то принадлежит к золотому веку латинской литературы; если же это работа ученого XVI века, то она по-прежнему будет интересна читателю со вкусом.

Tu qui segura procedis mente parumper
Siste gradum quæso, verbaque pauca lege.

HOMONŒA.

Illa ego quæ claris fueram prælata puellis
Hoc Homonœa brevi condita sum tumulo.
Cui formam Paphie, Charites tribuere decorem;
Quam Pallas cunctis artibus erudiit.
Nondum bis denos ætas mea viderat annos:
Injecere manus invida fata mihi.
Nec pro me queror hoc, morte est mihi tristior ipsa
Mœror Atimeti conjugis ille mei.

ATIMETUS.

Si pensare animas sinerent crudelia fata
Et posset redimi morte aliena salus,
Quantulacumque meæ debentur tempora vitæ
Pensarem pro te, cara Homonœa libens.
At nunc, quod possum, fugiam lucemque deosque
Ut te matura per Styga morte sequar.

HOMONŒA.

Parce tuam conjux, fletu quassare juventam,
Fataque mœrendo sollicitare mea.
Nil prosunt lacrimæ, nec possunt fata moveri:
Viximus: hic omnes exitus unus habet.
Parce: ita non unquam similem experiare dolorem,
Et faveant votis numina cuncta tuis.
Quodque mihi eripuit more immatura juventæ
Id tibi victuro proroget ulterius.

От латинских поэтов мы знаем, что любимым животным ставили памятник ("Luscinia tumulum si Thelesina dedit", Martial, 7, 86). В "Антологии" можно найти следующую надпись на домашней борзой: "Docta per incertas aud.

Docta per incertas audax discurrere silvas
Collibus hirsutas atque agitare feras;
Non gravibus vinclis unquam consueta teneri,
Verbera nec niveo corpore sæva pati.
Molli namque sinu domini dominæque jacebam,
Et noram in strato lassa cubare toro.
Et plus quam licuit muto canis ore loquebar;
Nulli latratus pertinuere meos.[\[108\]](#)

D. M. даже приложена к эпитафии барбарийской кобылы (equa Gætulica) по имени Spreudusa (σπευδοῦσα), которая объявлена быстрой, как ветер, "flabris compar". По примеру греков

римляне давали значимые имена своим скакунам и колесницам, несколько из которых сохранились на памятнике Диодосу, водителю Красной фракции[109].

Остается самый интересный из всех предметов исследования, которые предлагают римские надписи на гробницах: каково было состояние религиозных чувств и верований у людей, от которых они произошли? Естественные привязанности, проистекающие из источников, которые существуют в каждой человеческой груди, будут выражать себя с определенным сходством во всех эпохах и странах. Но существует большое различие в религиозной вере и чувствах, с которыми встречаются утраты жизни и которые находят свое отражение на погребальном памятнике. Один замечательный контраст бросается в глаза при сравнении древних и современных, языческих и христианских надписей - полное отсутствие в первых чего-либо похожего на покорность воле высших сил или признание благой цели в болезненном положении. Если боги и упоминаются, то в виде жалобы. MANUS LEO (лево) CONTRA DEUM QUI ME INNOCENTEM SUSTULIT,[110] это дерзкий вызов Провидению. Корнелий Виктор, умерший в возрасте тридцати одного года, жалуется, что его добродетели не обеспечили ему более долгую жизнь. VIXI SEMPER BENE UT VOLUI. NEMINEM LÆSI. CUR MORTUUS SIM NESCIО;[111] а Марсилия Стабилис сожалеет, что ее выдающееся благочестие не смогло купить освобождение от общей судьбы.

Si pietate aliquam redimi fatale fuisset,
Marsilia Stabilis prima redempta forem.[112]

Если бы можно было допустить такое чувство нетерпения и жалобы, мы могли бы посочувствовать Т. Клавдию Гермесу, который надписывает памятник: MERULÆ UXORI BENE DE SE MERENTI ET CAMPILIO ALBUNO INFANTI DULCISSIMO QUOS DII IRATI UNO DIE ÆTERNO SOMNO DEDERUNT.[Антиной и Пантея, поместившие на гробнице своей дочери Исиатис надпись QUAM DI AMAVERUNT HAC MORITUR INFAS, судя по их именам, были греками и копировали греческого поэта Менандра[114].

Умерший также не говорит из могилы никаких слов утешения тем, кто остался позади, кроме этого холодного утешения, "solamen miseris socios habuisse doloris". К. Гавий Примигений, умерший в возрасте семи лет, так обращается к своей матери:---

Desine jam mater lacrimis renovare querelas
Namque dolor talis non tibi contigit uni.[115]

Возможность того, что более долгая жизнь могла быть порочной или несчастливой, приводится в качестве мотива для воздержания от скорби, как в надписи на Луции Тореуме, умершей в возрасте девятнадцати лет: "Я не хочу, чтобы она умерла.

Exiguo, vitæ spacio feliciter acto
Effugi crimen longa senecta tuum.[116]

Нетрудно решить, какая из двух следующих надписей, в каждой из которых покойная мать обращается к оставшимся в живых мужу и детям, происходит из языческого, а какая - из христианского источника: - Care marite mihi,ulcissima nata valete

Care marite mihi, dulcissima nata valete,
Et memores nostris semper date justa sepulcris.[117]

Parcite vos lacrimis dulces cum conjuge natæ
Viventemque Deo credits flere nefas.[118]

Не обходится и без надписей, провозглашающих тщетность человеческих желаний и несбыточность человеческих надежд;...

Decipimur votis et tempore fallimur, et mors
Deridet curas; anxia vita nihil,

часто встречающийся дистих.[119] VIVE LÆTUS QUIQUE (quicunque) VIVIS. VITA PARVUM MUNUS EST MOX EXORTA EST SENSIM VIGESCIT DEINDE SENSIM DEFICIT, выражает схожие чувства. Надпись на гробнице Веттия Гермеса - MATER GENUIT ME, MATER RECEPIT - не сильно отличается от слов Писания: "Прах ты, и в прах возвратишься". Надпись С. POMPEIUS EUPHROSYNUS ET JUNIA GEMELLA UXOR EJUS EX OMNIBUS BONIS SUIS HOC SIBI SUMPSEUNT, что могила, в которой они лежали, была всем, что они сохранили из своего имущества, напоминает нам о фразе: "Мы ничего не принесли в этот мир, и, несомненно, мы ничего не сможем взять из него".

Эти и подобные им чувства выражают истины, которые повсеместно привлекают внимание человека и которые можно искать во многих странах и под влиянием многих религий. Вопрос, на который мы могли бы особенно ожидать, что надписи на могилах дадут полный ответ, заключается в том, каковы были убеждения римлян в эпоху, к которой относятся эти памятники, относительно состояния человека после смерти. Почти повсеместное начало эпитафий словами Diis Manibus или аббревиатурой D. M., казалось бы, должно указывать на всеобщую веру в продолжение существования духовной части его природы. Ведь "божественные Маны" были развоплощенными духами людей, ожидающими, по мнению тех, кто верил в переселение душ, воссоединения с другим телом; или, согласно более популярной концепции, задерживающимися вокруг могилы, остро реагирующими на любое нарушение или пренебрежение и получающими знаки памяти и привязанности; или, по другому мнению, председательствующими божествами в мире духов, осуществляющими контроль над его обитателями. Такова, должно быть, была концепция Фурии Спес, когда в надписи на могиле своего мужа она обращается с молитвой к Манам, чтобы ей было позволено видеть его в своих ночных снах. PETO VOS MANES SANCTISSIMÆ, COMMENDATUM HABEATIS MEUM CONJUGEM ET VELITIS HUIC INDULGENTISSIMI ESSE, HORIS NOCTURNIS UT EUM VIDEAM. ET ETIAM ME FATO SUO ADDERE VELIT, UT ET EGO DULCIUS ET CELERIUS APUD EUM PERVENIRE POSSIM.[120] Насколько формулярное упоминание Dii Manes на гробницах может быть принято как доказательство продолжающегося существования веры, в которой оно, несомненно, зародилось, - вопрос, который очень трудно решить. Плиний, хотя и высмеивает это суеверие, признает его существование.[121] Ювенал, напротив, заявляет, что вера в манов не выходила за пределы яслей: -

Esse aliquid Manes et subterranea regna...
Nec pueri credunt nisi qui nondum ære lavantur.
Sat. 2, 149.

Я должен с осторожностью отнестись к свидетельству поэтического цензора своего века, который, естественно, обращает внимание только на те обстоятельства, которые оправдывают его яростное негодование. Я также не делаю никаких неблагоприятных для веры в будущее существование выводов из таких выражений, как "domus æterna", "quies æterna" и других подобных. Они встречаются на христианских гробницах и могут относиться к телу, которое, как надеялись, никогда не будет потревожено в своем мирном пристанище. Естественно также рассматривать могилу как место отдохновения от трудов, боли и

неприятностей жизни, не считая ее "всею и всею" в истории человека. Даже надпись "D. M. ET SOMNO ÆTERNALI. SECURITATI MEMORIÆQUE PERPETUÆ ÆLIÆ FLAVIÆ MELITANÆ,[122] может и не предполагать того неверия, которое, как нам кажется, подразумевают слова "вечный сон". Из списка сомневающихся, во всяком случае, следует исключить Т. Клавдия Панопта, который воздвиг памятник двум своим дочерям, повинувшись видению (ex viso), и поместил этот вызов скептикам на их могиле. TU QUI LEGES ET DUBITAS MANES ESSE, SPONSIONE FACTA INVOCA NOS ET INTELLIGES.[123] С другой стороны, нельзя отрицать, что многие надписи дышат весьма эпикурейским духом. Надпись AMICI DUM VIVIMUS VIVAMUS скорее призывала к наслаждению жизнью, чем к ее улучшению. Надпись на могиле Публия Хлодия, QUOD COMEDI ET EBIBI TANTUM MEUM EST, кажется скопированной с надписи Сарданапала.[124] Такие чувства, открыто исповедуемые, возмущают наш нравственный вкус. Самый решительный современный приверженец роскоши и удовольствий не стал бы подражать Клавдию Секунду, заявляя: HIC SECUM HABET OMNIA. BALNEA VINA VENUS CORRUMPUNT CORPORA NOSTRA. SED VITAM FACIUNT BALNEA VINA VENUS.[125] Общественное мнение и, более того, государственная власть теперь накладывают ограничения на исповедание нерелигиозных или аморальных чувств, которые были неизвестны более свободолюбивым римлянам. По правде говоря, в время, к которому относятся наши надписи, хотя и существовал национальный культ, нельзя сказать, что была национальная религия.

Даже если их эпитафии подразумевают надежду на будущее существование, она носит тот сомнительный и гипотетический характер, выражением которого Тацит завершает свою жизнь Агриколы. "Si quis piorum Manibus locus; si, ut sapientibus placet, non cum corpore extinguuntur magnæ animæ, placide quiescas."

Suscipe nunc conjunx, si quis post funera sensus,
Debita sacratis Manibus officia"[126].

Выражение более уверенной надежды, как в двух следующих надписях, не исключает подозрения, что там речь может идти скорее о поэтических образах, чем о религиозной вере. Атилия Марцелла так говорит от имени своего покойного мужа Фабатуса:...

Terrenum corpus, cœlestis spiritus in me;
Quo repetente sedem suam nunc vivimus illic,
Et fruitur superis æterna in luce Fabatus.[127]

Мать Феодота таким образом утешает себя за потерю дочери, которой едва исполнилось пять лет.

Virginis hic teneræ, lector miserere sepultæ;
Unius huic lustris vix fuit acta dies.
O quam longinquæ fuerat dignissima vitæ
Heu! cujus vivit nunc sine fine dolor-
Sola tamen tanti restant solatia luctus
Quod tales animæ protinus astra petunt.[128]

В целом отрицательные, даже более чем положительные, свидетельства римских надписей на гробницах в изобилии подтверждают свидетельства языческих и христианских писателей об отсутствии какой-либо определенной и практической веры в будущее состояние в течение трех или четырех первых веков после христианской эры. Однако мало кто мог

спокойно согласиться с доктриной уничтожения. Они искали в других источниках ту уверенность, которую не могли дать им ни религия, ни философия. Никогда практика магии, заклинаний, некромантии и мистерий не была так распространена, как в период, когда христианство постепенно вытесняло древние суеверия. Было очевидно, что наступила полнота времен, и чтобы мир не разделился на жертв религиозного самозванства и учеников Эпикура, свет свыше должен посетить землю.

Другие надписи, не относящиеся к погребальным, служат таким же доказательством утраты жизненной силы старой религии. Среди всех религиозных памятников, которые хранятся в музее Йоркширского философского общества, нет ни одного, посвященного Юпитеру, Юноне, Минерве или кому-либо из великих богов народного вероисповедания. Есть один Геркулесу - герою, а не богу; один Фортуне - обожествленному олицетворению; один Гению места - изящному творению поэзии; один вымышленному божеству императора. Боги варваров, очевидно, свергли богов Греции и Рима. Легат римского легиона сообщает, что он отстроил от фундамента храм египетского Сераписа. Римский полководец, должно быть, построил пещеру, в которой совершались мистические обряды азиатского Митры. У нас есть алтарь богине-покровительнице Бригантии, Витеринею, местному божеству из окрестностей Стены Адриана, и, наконец, богу Арсиакону, совершенно неизвестному, если не считать этой уникальной надписи. Очевидно, что народная религия была "устаревшим вероучением". Искусство познакомило людей с человеческими изображениями их божеств и даже совершенством своих видимых и материальных произведений уничтожило веру в их духовное существование и невидимую силу. Философия разоблачила глупость антропоморфного политеизма; поэзия и сцена сделали богов презренными. Не осталось ничего, что могло бы пробудить благоговение или любовь: вместо того чтобы помогать, народная религия сдерживала порывы разума соединить идеи бесконечности и божества. Но в богах варварских народов, оставшихся без искусства и без мифологии, превращающей богов в людей, было что-то неясное, загадочное и неопределенное; что-то, на чем воображение могло заикнуться и что оно могло с готовностью наделять сверхъестественными атрибутами. Тот, кто смотрел на Аполлона в Бельведере без всякого другого чувства, кроме того, что видит триумф искусства скульптора в действии и выражении, испытывал религиозный трепет, глядя на бессмысленные лица и полужвериные формы египетских божеств. Гений Рима был терпим ко всем религиям, кроме истинной; искренняя вера в богов собственного Пантеона не помешала бы римскому солдату воздавать почести богам той страны, в которой он находился, и стремиться таким образом завоевать их расположение или отвратить их неудовольствие. Но это не объясняет широкого распространения поклонения Фригии и Фракии, Персии и Египта по всей Римской империи. Это, несомненно, свидетельствовало о беспокойной тоске по чему-то, что могло бы дать пищу для жажды религиозной веры, которая существует в сердце человека и питается суевериями, когда не может найти более чистую пищу.

Среди достопримечательностей современного Рима нет ничего более интересного, чем длинная галерея Ватикана под названием *Делле Лапиди*. На правой стене расположены усыпальницы и другие памятники императоров, консулов и командующих легионами с их многочисленными и пышными титулами; надписи богам и их жрецам. Сложные и изысканные орнаменты, тонко вырезанные буквы, классическая латынь - все указывает на ранг и положение тех, кем или в честь кого они были воздвигнуты. Слева находятся христианские памятники, главным образом в катакомбах, которые в эпоху безвестности и гонений на Церковь служили христианам святилищем и кладбищем, а также временным жильем. Плиты из их гробниц сделаны из грубого материала - не парианского, не каррарского мрамора, не египетского порфира; буквы сделаны грубо, орфография и

синтаксис выдают скромное положение и несовершенные литературные способности тех, кто их создавал. Не упоминается о просторном пространстве, отведенном для гробницы, не выражается забота об увековечивании наследства или обеспечении долгой преемственности обитателей. Возможно, христианин засыпал в ожидании, что второе пришествие Господа, чтобы призвать обитателей гробницы на суд, не задержится более чем на несколько лет. У римлянина было три имени; у христианина не было *рода*, к которому можно было бы приписать свое родство; он был пролетарием, простой единицей среди миллионов. Одно простое имя служило для его идентификации; его гробница могла быть даже безымянной - обстоятельство, крайне редко встречающееся в отношении к языческим гробницам.^[129] Как разительно этот контраст подтверждает заявление апостола, что "не много мудрецов по плоти, не много сильных, не много знатных призвано было"^[130] Но у этого контраста есть и другая сторона. Языческие памятники представляют собой обветшавшее и умирающее суеверие; христианские - живую и торжествующую веру: "слабые мира сего избраны, чтобы посрамить сильных". Их надписи говорят о покорности, мире и уверенности; их эмблемы - Добрый Пастырь, Голубь, Якорь, Ноев Ковчег - дышат тем же мирным, смиренным и все же надеющимся духом.

Литература того, что немцы называют *Epigraphik*, той отрасли археологии, которая занимается надписями, необычайно богата - настолько богата, что даже смущает. Ученые Италии, во главе с Муратори и Маффеем, были выдающимися в своих трудах, которые сами по себе могли бы составить целую библиотеку. Надписи Галлии и Гельвеции, а также римских поселений на Рейне и Дунае были проиллюстрированы в специальных работах. Надписи нашей страны можно найти в "Britannia Illustrata" Хорсли, в более поздней работе Лайсонса, в "Roman Wall" доктора Брюса и "Caledonia Illustrata" Стюарта. Великим хранилищем, в котором было собрано все, что было известно к началу восемнадцатого века, являются "Надписи древности всего римского мира", четыре тома, фолиант, начатые Иосифом Скалигером и расширенные благодаря последовательным трудам Грутера и Грёвиуса. Они, а также фолианты Фабретти и Рейнезиуса, незаменимы в библиотеке археолога, который посвящает себя изучению надписей. Широкий кругозор найдет восхитительную подборку в работе Орелли, к которой недавно был добавлен дополнительный том, составленный Хензенем.^{131]} Памятники тщательно классифицированы; они проиллюстрированы, не перегружены примечаниями, и с большей тщательностью, чем в любом другом предыдущем сборнике, отделены поддельные надписи от подлинных. Нигде так активно не работала злонамеренная изобретательность, как в подделке латинских надписей, особенно в XVI веке, когда возрождение классической науки придало ценность каждой реликвии древности, а младенчество археологической науки сделало самозванство легким делом. Среди тех, кто заслужил порицание ученых своими подделками, Пирр Лигорий занимает первое место. Лигорио был неаполитанцем по происхождению, искусным художником и архитектором, который, имея большой вкус к древностям, но не имея достаточных знаний, занимался составлением коллекций рисунков древних зданий, копий надписей и медалей, которые, переплетенные в тома, он продавал по высоким ценам щедрым меценатам, которыми в то время изобиловала Италия. Тридцать пять из этих томов имперского формата фолио хранятся в Туринской королевской библиотеке, а другие находятся или находились в библиотеке Ватикана и княжеских семей Рима. Сблудн наживы был слишком силен для его честности, и, обнаружив, что изобретать легче, чем исследовать и открывать, он начал подделывать надписи, чтобы составить свои тома. Говорят, что он не знал латинского языка, но либо это ошибка, либо ему помогал кто-то, кто превосходил его собственные способности: ведь многие из его подделок доказывают

мастерство, с которым они были сделаны, по той валюте, которую они получили. Он часто соединял фрагменты различных надписей или брал имена из "Консульских фастов" и вставлял их так, чтобы придать своей лоскутной работе видимость подлинности. Нет сомнений, что он действительно скопировал многие надписи; но его недобросовестность бросает тень на все, что опирается на его единоличный авторитет. Он далеко не единственный, кто навлек на себя зло антикваров и историков, испортив таким образом источники исторических свидетельств. Необходимо проявлять величайшую осторожность при цитировании надписи, предполагаемый оригинал которой больше не существует, если за него не ручается безупречный авторитет. С другой стороны, некоторые репутации, которые были запятнаны подозрениями в подделке древних надписей, были подтверждены временем. Так, именем Кириака Анконского ученые называли бесстыдного самозванца, выдававшего свои выдумки за подлинные остатки древности. Однако теперь признается, что он действовал добросовестно,^[132] хотя из-за спешки и невежества, возможно, копировал неточно и был навязан другим. Установлено, что коллекция испанских надписей, которая прошла под его именем и дала повод для самых тяжких обвинений в его адрес, была подделана и приписана ему.

Надписи также отвергались по соображениям вкуса критиками, которые недостаточно учитывали, что в эпоху, когда все другие стили были испорчены жеманством и напыщенностью, лапидарный стиль вряд ли мог сохранить свой первоначальный характер скромности, лаконичности и простоты.

Многие надписи на могилах, некоторые из которых цитировались на предыдущих страницах, сохранились в собраниях MS. и были включены в "Anthologia Latina", которая была начата Скалигером, продолжена Пифеем и достигла своей наиболее полной формы в руках Петра Бирмана.^[133] В нее включено около 400 надписей на могилах, начиная со времен Сципионов и вплоть до двенадцатого века после рождения Христа, и включая, конечно, многие, которые являются продукцией христианских авторов. Некоторые надписи более позднего происхождения попали в эти сборники, но большинство подтверждают свою подлинность неизысканной фразеологией и нарушением законов просодии - ошибками, которые не позволил бы себе совершить ни один современный ученый.

ДОБАВЛЕНИЕ К СТРАНИЦЕ 7, ПРИМЕЧАНИЕ 2.

Поскольку я не встречал упоминаний о существовании погребальных клубов у римлян ни в одной работе по римской древности, приведу несколько выдержек из памятника, о котором идет речь. Он был найден в Ланувии, древнем городе, известном поклонением Юноне Соспите, примерно в девятнадцати милях от Рима на Виа Аппиа. Жители этого города, похоже, из лести к императору Адриану, в чье правление был воздвигнут мрамор, сформировались в коллегию для воздания божественных почестей Диане и Антиною; необычное сочетание, которое сразу показывает деградировавшее состояние людей и бессердечную формальность установленной религии, которая могла быть использована для такой цели. Привилегия создания колледжа - или, как мы должны сказать, корпоративного органа - была предоставлена очень скупой и очень ревностно ограничена при императорах,

которые боялись всех тайных ассоциаций как рассадников измены. С этой главной целью создания коллегии "Культов Дианы и Антиноя" они объединили и погребальный клуб, не забывая о празднествах, которые составляли столь важную часть всех религиозных актов римлян. Чтобы предотвратить споры, законы ассоциации были начертаны на мраморе и, вероятно, установлены в храме двух божеств.

Новый член клуба должен был преподнести в дар амфору хорошего вина; сто сестерций - в качестве вступительного взноса, а пять ослов в месяц - в качестве подписки. Собрания клуба должны были проводиться не чаще одного раза в месяц. Если кто-либо пропускал платеж в течение ... месяцев (здесь мрамор искажен), то не мог предъявить никаких претензий, даже если он распорядился об этом по завещанию. В случае смерти того, кто регулярно оплачивал подписку, на его похороны выделялось триста сестерций, из которых, однако, пятьдесят должны были быть выделены для распределения при кремации тела. Похороны должны были быть пешими. Если кто-либо умирал более чем в двадцати милях от Ланувия, и о его смерти объявляли, три делегата от коллегии должны были отправиться туда, где он умер, чтобы совершить похороны и дать отчет народу. Мошенничество должно было караться штрафом в четырехкратном размере. На дорожные расходы, связанные с поездкой на и возвращением, делегатам полагалось по двадцать сестерций каждому. Если смерть наступила более чем в двадцати милях от Ланувия, а извещение не было послано, человек, совершивший похороны, должен был прислать запечатанное свидетельство, заверенное семьей римскими гражданами, при предъявлении которого выдавалась обычная сумма на расходы. Если член коллегии оставлял завещание, то претендовать на что-то мог только наследник, указанный в нем. Если же он умирал без завещания, то *квинквенналы*, или магистраты муниципалитета, и народ в целом должны были распорядиться, как должны проходить похороны. Если умирал член коллегии, находившийся в состоянии раба, и его тело, по несправедливому поведению его хозяина или хозяйки, не отдавалось для погребения, его похороны должны были отмечаться тем, что его бюст несли в процессии. Похороны самоубийцы не должны были проводиться. Существует множество других правил, направленных на сохранение порядка и развитие доброго товарищества, но это все, что относится к клубу погребения. Прилагаю выдержки из оригинала. Цель создания колледжа объявлена следующим образом

COLLEGIUM SALUTARE DIANÆ ET ANTINOI CONSTITUTUM EX SENATUS POPULIQUE ROMANI
DECRETO QUIBUS COIRE CONVENIRE COLLEGIUMQUE HABERE LICEAT. QUI STIPEM
MENSTRUAM CONFERRE VOLEAT IN FUNERA, IN ID COLLEGIUM COEANT, NEQUE SUB SPECIE
EJUS COLLEGII NISI SEMEL IN MENSE COEANT, CONFERENDI CAUSA UNDE DEFUNCTI
SEPELIANTUR.

TU QUI NOVOS (NOVUS) IN HOC COLLEGIO INTRARE VOLES, PRIUS LEGEM PERLEGE ET SIC
INTRA, NE POSTMODUM QUERARIS, AUT HEREDI TUO CONTROVERSIAM RELINQUAS.

LEX COLLEGI PLACUIT UNIVERSIS, UT QUISQUIS IN HOC COLLEGIUM INTRARE VOLUERIT, DABIT
KAPITULARI NOMINE H. S. (SESTERTIOS) C. NUMMOS, ET VINI BONI AMPHORAM, ITEM IN MENSES
SING. ASSES V.

ITEM PLACUIT UT QUISQUIS MENSIBUS CONTINUIS NON PARIAYERIT, ET EI HUMANITUS
ACCIDERIT, EJUS RATIO FUNERIS NON HABEBITUR, ETIAM SI TESTAMENTUM FACTUM HABUERIT.

ITEM PLACUIT UT QUISQUIS EX HOC CORPORE NUMMOS PARIATUS DECESSERIT EUM
SEQUENTUR EX ARCA H. S. CCC NUMMI, EX QUA SUMMA DECEDENT EXEQUIARI NOMINE H. S. L.
NUMMI, QUI AD ROGUS (ROGOS) DIVIDENTUR, EXEQUIÆ AUTEM PEDIBUS FUNGENTUR.

ITEM PLACUIT QUISQUIS A MUNICIPIO ULTRA MILLIARIA XX DECESSERIT, ET NUNTIATUM FUERIT, EO EXIRE DEBEBUNT ELECTI EX CORPORE NOSTRO HOMINES TRES, QUI FUNERIS EJUS CURAM AGANT ET RATIONEM POPULO REDDERE DEBEBUNT SINE DOLO MALO, ET SI QUIT (*QUID*) IN EIS FRAUDIS CAUSA INVENTUM FUERIT EIS MULTA ESTO QUADRUPLUM QUIBUS (*FUNERATICIUM*) EJUS DABITUR. HOC AMPLIUS VIATICI NOMINE, ULTRO CITRO, SINGULIS H.S. XX NUMMI.

QUOD SI LONGIUS A MUNICIPIO SUPRA MILLIARIA XX DECESSERIT ET NUNTIARI NON POTUERIT, TUM IS QUI EUM FUNERAVERIT TESTATOR REM TABULIS SIGNATIS SIGILLIS CIVIUM ROMANORUM VII ET PROBATA CAUSA FUNERATICIUM EJUS SATISDATO.

NEQUE PATRONO NEQUE PATRONÆ NEQUE DOMINO NEQUE DOMINÆ NEQUE CREDITORI EX HOC COLLEGIO ULLA PETITIO ESTO NISI SI QUIS TESTAMENTO HERES NOMINATUS ERIT. SI QUIS INTESTATUS DECESSERIT IS ARBITRIO QUINQUENNALIUM ET POPULI FUNERABITUR.

ITEM PLACUIT QUISQUIS EX HOC COLLEGIO SERVUS DEFUNCTUS FUERIT, ET CORPUS EJUS A DOMINO DOMINAVE INIQUITATE SEPULTURÆ DATUM NON FUERIT, NEQUE TABELLAS FECERIT, EI FUNUS IMAGINARIUM FIET.

ITEM PLACUIT QUISQUIS EX QUACUMQUE CAUSA MORTEM SIBI ADSCIVERIT EJUS RATIO FUNERIS NON HABEBITUR.

ITEM PLACUIT UT QUISQUIS SERVUS EX HOC COLLEGIO LIBER FACTUS FUERIT, IS DARE DEBEBIT VINI BONI AMPHORAM.

Этот любопытный документ служит дополнительным доказательством того, насколько древняя жизнь похожа на современную, когда мы знакомимся с ее внутренним миром через памятники. Таким образом, институты и обычаи, которые считались характерными для недавних или средневековых времен, могут быть прослежены вверх, через Рим и Грецию, даже к источникам цивилизации в Египте и на Востоке.

КОНЕЦ.

Вудфолл и Киндер, типография, Энджел Корт, Скиннер Стрит, Лондон.

На месте, где находятся музей, библиотека и лекционный театр с ботаническим садом и обсерваторией Йоркширского философского общества, первоначально располагались монастырские постройки аббатства Святой Марии. В части этих же зданий располагался двор и дворец лорда-президента Совета Севера. Тиранические действия этого Совета, особенно под председательством графа Страффорда, сыграли большую роль в судьбе как самого графа, так и его королевского господина. Эта замечательная череда занятий навела на мысль о следующей надписи, в которой можно заметить, что эпитет в девятой строке относится именно к монашеству, а не к религии средневековья в целом.

QUO PRIMUM- LOCO
CŒNOBIUM- BEATÆ- VIRGINIS- MARIÆ

DEINDE- PROCURATORIS- REGII- PALATIUM- STETIT
COMITATUS EBORACENSIS
HAS- ÆDES- COLLATA- PECUNIA- EXSTRUCTAS
OMNIUM- DISCIPLINARUM- STUDIIS- DICAVIT.

TU- QUI- LEGIS- AGNOSCE
NOSTRI- SÆCULI- FELICITATEM
QUO- ANIMIS- HOMINUM- SUPERSTITIONE- LIBERATIS
TYRANNORUM- VIOLENTIA- LEGIBUS- FRÆNATA
HARUM- IPSIS- IN- SEDIBUS- LICUIT- PHILOSOPHIÆ
DOMICILIUM- SUUM- COLLOCARE.

ПУБЛИКАЦИИ РЕВ. ДЖОНА КЕНРИКА.

ЭССЕ ПО ПЕРВОБЫТНОЙ ИСТОРИИ.

Цена 5s.

Ambagibus ævi
Obtegitur densa caligine mersa vetustas.
Силиус Италикус.

ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ ПРИ ФАРАОНАХ.

2 Vols. 8vo. Цена 30s.

Ἀριπρεπέων γένος ἀνδρῶν,
Οἳ πρῶτοι βιότοιο διεστήσαντο κελεύθους,
Πρῶτοι δ' ἱμερόεντος ἐπειρήσαντο ἄρότρου,
Πρῶτοι δὲ γραμμῇσι πόλον διεμετρήσαντο,
Θυμῷ φρασάμενοι λοξὸν δρόμον ἠελίοιο.
Дионисий Перигезис, 232.

PHŒNICIA.

1 том, с картами и иллюстративными пластинами. Цена 16 s.

Phœnices, solers hominum genus et ad belli pacisque munia eximium; literas et literarum opera aliasque etiam artes, maria navibus adire, classe conflare, imperitare gentibus committi.-Pomp. Mela, l. 12.

LONDON:

T. FELLOWES, LUDGATE STREET.

Сноски:

[1] Гробница Сципионов на Аппиевом пути была обнаружена в 1780 году, и ее надписи были проиллюстрированы двумя Висконтисами. Сейчас они хранятся в Ватикане. Самая древняя из них, надпись Л. С. Сципиона Барбатуса, относится к началу третьего века до нашей эры.

[2] См. *Proceedings of Yorkshire Philos. Society*, vol. i. p. 53.

[3] Hieronym. ad Es. 7, 14. Augustin Tract. 15 in Evang. Joann.

[4] Kirchmann de Funer. Rom. c. 20, 21. Dodwell, 1, 428.

[5] Sylv. 2, 2, 13.

[6] C. Nep. Att. 22. Vict. Epit. 60.

[7] H. E. Smith, *Reliquiæ Isurianæ*.

[8] Morcelli de Stylo Inscr. Lat. p. 363. Orelli, Inscr. 3998, 9. У римлян также были свои погребальные клубы. См. правила одного из них, Henzen, 6086.

[9] Plin. N. H. 1241. Periti rerum asseverant non ferre Arabiam tantum annuo foetu, quantum Nero novissimo Poppææ suæ die concremaverit. Juv. Sat. 4, 108. "Matutino sudans Crispinus amomo, Quantum vix redolent duo funera".

[10] Fabretti, p. 230.

[11] *Archæologia*, vol. 26, p. 270.

[12] Gruter, p. 898. Orelli, 6237.

[13] Anthol. 4, 271.

[14] Mommsen, Inscr. Neap. 4135.

[15] Henzen, Suppl. ad Orell. 6976, 7.

[16] Fabretti, p. 612.

[17] Orelli, 4859.

[18] Reines, p. 1000.

[19] Различные и неудовлетворительные догадки ученых относительно этой фразы можно увидеть в Facciolati s. v. *Ascīa*. Особенно часто она встречается на памятниках в Лионе и Южной Галлии.

[20] Reines, p. 763.

[21] Gruter, pp. 844, 862. Август запретил, чтобы его дочь Юлия была погребена в его памятнике. Octavianus, c. 101.

[22] Orelli, 4397. Fabretti p. 91.

[23] Gruter, p. 762, 5.

[24] Orelli, 4390.

[25] Orelli, 4360.

[26] Morcelli, de Stilo Inscr. p. 103.

[27] Meyer, Anthol. Lat. 1178. Уникальна надпись: "Semiramiae Licinianae, quam loco filiae diligo, ob merita ejus *vivus vivae feci*."-Orelli, 4676.

[28] Gruter, p. 607, 1.

[29] Reines, p. 388, 53. Мы находим (Gruter, p. 399, 1) десять югеров земли, завещанных "tutelae nomine".

[30] Orelli, 4070.

[31] Fabretti, p. 232.

[32] Medicus jumentarius. Orelli, 4229, 4231. Валерия Верекунда названа на своем памятнике "latromeia (врач-акушерка) regionis suae prima."-Grut. p. 1110.

[33] Gruter, p. 1148, Petron. Arb. p. 388. Я напечатал эти строки гекзаметром и пентаметром, для которых они, по-видимому, и предназначались, хотя автор "плохо разбирался в этих числах". Ошибки просодии очень распространены в поэтических надписях, а проза и стих иногда необычайно смешаны.

[34] Fabretti, p. 715.

[35] Anthol. Lat. 4, 155.

[36] Meyer Anthol. 1438.

[37] Orelli, 2990.

[38] Anthol. 4, 101.

[39] Из памятника, недавно обнаруженного в Ламбезе, в Северной Африке. Многообразие *magis* перед *quam* встречается у латинских авторов, особенно у Тацита. 7. *Cedere loco consilii quam formidinis arbitrantur*. Подобная жалоба на смерть от магии встречается на могиле мальчика четырех лет в Вероне.-Maffei, Mus. Veron. 170.

[40] Mommsen, Inscr. Neap. 4870.

[41] Gruter, p. 831, 6.

[42] Orelli, 4600.

[43] Gruter, p. 340.

[44] Nat. Hist. 29, 1.

[45] Orelli, 4944.

[46] См. Priscian, vi. 1, который приводит цитаты из старых латинских авторов: *monetas* - *monetæ*; *escas* - *escæ*; *vias* - *viæ*.

[47] Orelli, 2778. Он замечает: "*jacit est etiam in aliis Britannicis*".

[48] Orelli, 4544. *Dua obrendaria*.

[49] Prisc. vi. 1.

[50] Anthol. Meyer, 1424.

[51] Gruter, p. 572.

[52] Fabretti, pp. 113, 575.

[53] Quinct. 1, 5, 20.

[54] *B nec penitus caret aspiratione, nec eam plene possidet*. Prisc. 1, 5, 26.

[55] *Ab scala Mediana*. Orelli, 3093. Грамматики осуждают употребление *scala* в единственном числе как солецизм. (Quinct. 1, 5, 16). М. Абудий Луминарис, воздвигший этот памятник, женился на собственной вольноотпущеннице; "*Patronus idemque conjux*". Есть надписи вольноотпущенников, посвященные патронессам, которые также были их женами. Такие браки были запрещены Севером, если только не с санкции судьи; а когда патрона была такого скромного ранга, "*ut ei honestæ sint vel liberti sui nuptiæ*". Fabretti, p. 290. Аниция Глицера (Orell. 4649) выражает благодарность своему мужу: "*qui ex imo ordine ad summum me perduxit honorem*", поскольку из рабыни он сделал ее своей женой. Греческий раб часто превосходил римского хозяина по манерам и культуре.

[56] Spon. Misc. p. 143. Существует большой спор относительно римских медиков - были ли они рабами; памятники показывают, что они обычно были греческими вольноотпущенниками.

[57] Orelli, 2645.

[58] P. 239. Juv. 5, 170. Имитация *caput rasum*, по-видимому, до сих пор является профессиональным костюмом клоуна.

[59] Grut. p. 312, 7. Juv. 2, 112. Quinct. 11, 3.

[60] См. в словаре Смита, s. v. *Bathyllus*, рассказ о *фуроре* римлян по поводу пантомимических представлений и их превратностях, связанных с императорской благосклонностью или запретом.

[61] *L. Marius Austus Enuntiator ab scæna Græca*. Orelli, 2614.

[62] Grut. p. 637, 1.

[63] Hist. 8, 10.

[64] Grut. p. 332. Состязание состоялось в 110 г. н.э.

[65] Mai Auct. Class 5, p. 414.

[66] Anthol. iv. 357. Lucian, περὶ ὀρχήσεως-Κάθησαι καταυλούμενος θηλυδρίαν ἄνθρωπον ὀρῶν, ἐσθῆσι μαλακῆις καὶ ἄσμασιν ἀκολάστοις ἐναβρυνόμενον, καὶ μιμούμενον ἐρωτικὰ γύναια τῶν πάλαι τὰς μαχλοτάτας, Φαίδρας καὶ Παρθενόπας καὶ Ῥοδόπας τινάς. Следует опасаться, что более правдивое представление о том, чем на самом деле была пантомима, чем полусерьезная защита Лукиана, который превращает театр в школу самопознания и самоконтроля, а обучение танцора - в курс мифологического и поэтического обучения.

[67] Bulletino dell Istit. Arch. 1838, p. 165. Надпись: "Fuit Atistia uxor mihei, femina opituma, quouis corporis reliquiæ quod superant sunt in hoc panario."-Henzen, 7268.

[68] Maitland on the Catacombs, p. 138.

[69] Archæol. Journal, 4, 55.

[70] P. 6.

[71] Gruter, p. 926-8.

[72] Gruter, p. 904.

[73] Fabretti, p. 560, который замечает: "In tanto inscriptionum sepulcralium numero rari admodum reperiuntur qui longam senectutem expleverint."

[74] Orelli, 4849.

[75] Такова в остальном изящная эпитафия на фл. Меробаудеса, датируемая 435 годом н. э. "Æque forti et docto viro, tam facere laudanda quam aliorum facta laudare præcipuo. Castrensi experientia claro, facundia vol otiosorum studia supergresso, cui a crepundiis par virtutis et eloquentiæ cura. Ingenium ita fortitudini ut doctrinæ natum, stilo et gladio pariter exercuit, nec in umbra vel latebris mentis vigorem torpere passus. Inter arma literis militabat et in Alpibus acuebat eloquium. Ideo illi cessit in præmium non verbena vilis nec otiosa hedera, honor capitis Heliconius, sed imago ære formata, quo rari exempli viros, seu in castris probatos, seu optimos vatū, antiquitas honorabat." Эта надпись была выгравирована на основании статуи, выкопанной на Форуме Ульпий в Риме в начале нынешнего века. Фрагменты поэзии Меробаудов и его панегирик на консульство Аэция были найдены Нибуrom в одном из MS. в Сент-Гале и опубликованы в Corp. Script. Hist. Христианство Меробаудов, как и Боэция, неоднозначно.

[76] Henzen, 7374.

[77] Gruter, p. 624.

[78] Gruter, p. 654.

[79] Anthol. Meyer, 1228.

[80] Eckhel, Doctr. Num. pl. II. vol. v. p. 90.

[81] Orelli, 4657.

[82] Anthol. iv. 231.

[83] Gruter, p. 718.

[84] Gruter, p. 1000. Anthol. iv. 222.

[85] Anthol. iv. 265.

[86] Anthol. ii. 466.

[87] Orelli, 4609.

[88] Orelli, 2813. Несколько примеров можно увидеть в Gruter, p. 663. *Tama*, отец, до сих пор используется среди низших классов в Риме. См. Bunsen, Philosophy of Universal History, vol. i. p. 103.

[89] Orelli, 2815.

[90] Gruter, p. 733, 9. Более правильно в Meyer, Anthol. 1403.

[91] Noctes Att. 1, 6.

[92] Gruter, p. 769, 9.

[93] Fabretti, p. 252.

[94] Orelli, 4658.

[95] Fabretti, p. 267.

[96] Gruter, p. 797.

[97] Orelli, 4623.

[98] Fabretti, p. 275, где собрано множество подобных примеров.

[99] Gruter, p. 813, 3.

[100] Gruter, p. 1036, 2. В этой, как и в других поэтических эпитафиях, допущены вольности с просодией.

[101] Gruter, p. 758, 4.

[102] Gruter, p. 435, 2.

[103] См. его увещание в Gellius, Noct. Att. 12, 1.

[104] Fabretti, p. 187. То, что кормление из рук также было распространено среди римлян, очевидно из появления глиняных бутылок, используемых для этой цели. В музее Йоркширского философского общества хранится несколько их образцов. См. также "Normandie Souterraine" аббата Коше, p. 130.

[105] Orelli, 4604.

[106] Orelli, 2660.

[107] Gruter, p. 607. Meyer, Anthologia, 1274.

[108] Antholog. iv. 402.

[109] Gruter, p. 337. Comp. Gibbon, c. xl. 2.

[110] Gruter, p. 820. На памятнике изваяны руки, поднятые в знак протеста.

[111] Gruter, p. 908.

[112] Reines, p. 709.

[113] Orelli, 4796.

[114] *Ον οἱ θεοὶ φιλοῦσιν ἀποθνήσκει νέος.* Menander, *Δις Ἐξαπατῶντος*. Gruter, p. 688.

[115] Orelli, 4829.

[116] Ibid., 4852.

[117] Ibid., 5070.

[118] Мейтланд о катакомбах. Его дата - 472 г. н.э.

[119] Gruter, p. 677, 12. Orelli, 4845.

[120] Gruter, p. 786, 5.

[121] *Post sepulturam variæ Manium ambages. Omnibus a suprema die eadem quæ ante primum, nec magis a morte sensus ullus aut corpori aut animæ, quam ante natalem. Eadem enim vanitas in futurum etiam se propagat et in mortis quoque tempora ipsa sibi vitam mentitur, alias immortalitatem animæ, alias transfigurationem, alias sensum inferis dando, et Manes colendo, et Deum faciendo qui jam etiam homo esse desierit, 7, 55.*

[122] Gruter, p. 751, 3.

[123] Orelli, 7346.

[124] *Cic. Tusc. v. 35. Похожую надпись приводит Morcelli, p. 431. D. M. T. Flavius Martialis H. S. E. Quod edi bibi, mecum habeo; quod reliqui perdidit.*

[125] Gruter, p. 615, 11.

[126] Fabretti, p. 80.

[127] Gruter, p. 772, 8.

[128] Anthol. iv. 131.

[129] Fabretti, p. 545.

[130] Maitland, *Church in the Catacombs*, p. 10.

[131] *Inscriptionum Latinarum selectarum amplissima collectio. Edidit Jo. Casp. Orellius. 2 voll. Turici, 1828. Vol. tertium, edidit Gulielmus Henzen. Turici, 1856.*

[132] См. Orelli, vol. I, p. 35, который цитирует Tiraboschi *Storia della Letteratura Italiana*, T. VI. P. I. p. 263. Ed. di Milano.

[133] Полезное и критическое издание было опубликовано под следующим названием:- *Anthologia Veterum Latinorum Epigrammatum et Poematum. Editionem Burmannianam digessit et auxit Henricus Meyerus, Turicensis. Том II. 8. Lipsiæ, 1835.*